

ПУЛЕМЕТ ДЛЯ ВИТЯЗЯ

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

Антон СКРИПЕЦ

В вихре времен

Антон Скрипец

Пулемет для витязя

«Махров»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Скрипец А. Н.

Пулемет для витязя / А. Н. Скрипец — «Махров», 2018 — (В
вихре времен)

ISBN 978-5-04-097540-2

Выбор есть всегда! Можно на долгие годы лишиться Родины, а обретя её вновь, тут же потерять любовь, друзей, надежду и... саму жизнь. Но даже если весь мир рушится на глазах, а враги предпочитают прерывать честный бой на клинках автоматными очередями, выбор всё равно остаётся за тобой: покорно склонить голову пред волей судьбы или, приняв новые правила игры, выйти из этой битвы победителем. Бывший десятник дружины киевского князя Тверд со своими боевыми побратимами Хватом и Туманом стал беглецом по обе стороны Русского моря. Но разве можно остаться в стороне, когда твоё Отечество рвут на части, а понятный и привычный мир вдруг открывает свою древнюю и очень зловещую изнанку?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097540-2

© Скрипец А. Н., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Антон Николаевич Скрипец

Пулемёт для витязя

© Скрипец А.Н., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Стрела сквозь ставень

Не то чтобы он не хотел в это верить. Как раз наоборот – воображение очень часто рисовало дивные картины возвращения опоясанного славой воина домой. Мошна его при этом грузно позвякивала золотишком, вороной скакун славно выстукивал тяжелыми копытами по киевской мостовой, а губы при мыслях обо всем этом сами собой начинали растягиваться в довольной улыбке. Что особенно по-дурацки выглядело, когда он спал. На что Хват, раздери его ящер, не раз обращал внимание. Внимание, как правило, всеобщее.

– Да чтоб воши единственными бабами в моей постели до самой старости были! – Выпученные глаза в понимании Хвата означали наивысшую степень честности. Хотя Тверд не припоминал ни одного такого случая, который мог бы точно указать, что этот вертлявый угорь и вправду знает, что такое честность.

– Чтобы обзавестись вшами в постели, сначала неплохо было бы обзавестись этой самой постелью. – По лицу Тумана вообще сложно было определить хоть что-то. Даже то, к тебе он сейчас обращается, к Хвату, или вовсе к веренице резных коньков на нарядной крыше купеческого терема, мимо которого они сейчас проезжали. Разве что прищур уставших от постоянного бдения над книгами глаз мог выдать, интересна ему беседа или не очень.

– Тебе-то она на кой? – фыркнул в вислые усы Хват. – Почитать и в нужнике можно. А там в перине надобность не шибко великая. Там как раз от твоих грамоток проку больше. Ну, ежели, конечно, хорошенько помять...

Спрятанные под низким карнизом бровей глаза Тумана сузились. Взгляд при этом продолжал мирно блуждать по оконным наличникам.

– Ну, да. То, с чем ты свою голову путаешь, всем известно.

– Добро хоть, бабий круп от лошадиного смогу...

– Цыть! – рявкнул Тверд, заметив, что на них уже начинает коситься купеческая дворня.

– Ну так я, кентарх, о том и толкую! – вспомнив, с чего начался разговор, снова надул глаза прущей изнутри честностью Хват. – На торжище давеча с вдовой одной разговорились, а утром смотрю: мать честная, хоромы-то знакомые! Она ключницей оказалась – угадай, у кого?

Тверд гадать не стал. Вместо того, дернув за узду, заставил своего поджарого гнедого уступить дорогу прущему навстречу возу. Своевольный степняк в ответ недовольно тряхнул гривой и припечатал передним копытом разохшуюся доску мостовой. Мерно бредущие воли внимания на благородный конский гнев обратили не больше, чем на не столь горделивых мух, кружащих над их боками. Улицы здесь были, что ни говори, не родня царьградским.

– У боярина Полоза, кишки его на коромысло! – не дождавшись ответа, вскрикнул Хват, тряхнув своим выгоревшим на жарком южном солнце длинным светлым чубом. Вскрикнул, надо признаться, излишне громко. Со двора, мимо которого они сейчас проезжали, в ответ тут же понесся многоголосый собачий брех, отчего мышистый конек Тумана прынул в сторону. – У бездетного, замечу, до сей поры боярина Полоза!

Вообще-то, видит Род, ничего похожего на камень за пазухой Тверд против этого человека не держал. Но все равно ничего не мог с собой поделаться: едва о Полозе заходила речь, зубы стискивались будто сами собой.

– Что с того, – буркнул в бороду Тверд, как только они миновали захлебывающееся лаем подворье.

– Да то, раздери меня соха! То самое! Ты вспомни, кентарх, как сам мне говорил, что ни ты без нее не сможешь, ни она – без тебя.

– Эх ты вспомнил, – хмыкнул Тверд. Он уже не раз пожалел, что когда-то рассказал обо всем Хвату. Хмыкнуть хотелось как можно более безучастно. Не получилось.

– Тык не я, выходит, а она! И вся эта ваша чушь про неразрывную связь и прочую хрень, поди ж ты, осталась в силе!

– Какая сила? – устало выдохнул Тверд. – Двое несмышленишей Ладе требы клали. С кем такого не было?..

– Да знаю одного, – оскалился Хват, насмешливо покосившись в сторону Тумана. Тот, благо, старательно объезжал изрядное по размерам напоминание о том, что здесь только что прошли здоровенные воны, и потому косые взгляды не заметил.

– ...А теперь не может понести баба, – продолжал Тверд. – Такого тоже вдоль и поперек.

– Ну да, ну да. Травки там всякие, отвары-приговоры. Уж баба-то, коль не схочет в пузо бремя нагрузить, хитра-выдра на всякие придумки. Говорю ж, кентарх, тебя она все эти годы ждала. Тебя! И имя у нее, поди ж ты, какое для такого дела подходящее. Ждана.

Ждана. Невесомая, как ласковое прикосновение робкого весеннего лучика светлая прядь, выбившаяся из-под шитой бисером тесемки на лбу. Смеющиеся зеленые глаза, в которых хитрый прищур удивительно сочетался с нежностью, словно нарочно прятали взгляд за разлетевшимися по ветру волосами. Тверд не мог объяснить, почему, но всякий раз при упоминании ее имени перед взором его тут же возникал этот образ. Может, потому, что именно в тот день они открыли свои чувства перед Ладой. А возможно, и по той причине, что больше никогда уже не виделись.

Боярин Полоз заслал сватов. Такому человеку не отказывают. Князь дал добро. А одного прыткого да излишне ретивого гридня без роду и племени, едва не заступившего дорогу счастью молодоженов, спешно выдворили из стольного града. Подальше. Чтоб уж не вернулся. В Царьград.

Сколько лет минуло, Тверд и считать-то уж перестал. Но всякий раз, как рисовал героическое свое возвращение домой, всегда хотел, чтобы первой увидела его она.

Дурь и мальчишество. Ничего более.

Потому верить тем рассказам, что баял сейчас хитромордый прощелыга, попросту не мог.

Но верить хотел.

* * *

Добрые, обитые широкими железными полосами ворота постоянного двора были, как всегда, нараспашку. Когда они въехали сюда в первый раз, в день своего возвращения из Царьграда, Тверду это показалось хорошим знаком. Теперь все виделось частью будничной суеты. Как и нагромождение телег посреди широкого двора, и толкотня у коновязи, и споры за лучшее место для товара в амбарах и для его владельцев – в жилых постройках.

Вообще-то Тверд хотел выбрать жилище потише. К тому же цены здесь ломили чуть ли не как в лучших византийских борделях, предлагая при этом горох вместо изумрудов. Но они искали работенку для своих мечей, а самые богатые заезжие купцы в Киев-граде останавливались как раз в этом месте.

– Это как же, господа хорошие, понимать? – Едва они въехали в ворота, к ним метнулась кривоногая фигура. Солидного кроя кафтан, богатые сапоги, щегольские полосатые штаны – словно всю нескладность тела этот человек пытался уравновесить бросающейся в глаза роскошью одежд. В чем все приказчики, как правило, были одинаковы.

– Мы же, сдается, ударили по рукам, – прошипел он уже тише, как только приблизился вплотную к троице всадников. – Вы съехали. Ваши места уже заняты. Все, можете разворачивать оглобли.

С деловитым видом он развернулся и посеменил в сторону кузни, возле которой толклись уже готовые вцепиться друг другу в бороды люди только что прибывших купцов. Каждый из них, знамо дело, полагал, что обновить подпругу и заменить подковы имеет первоочередное право.

– Хват? Я-то думал, уплаченного нами еще на три дня хватит.

– Не бойсь, сейчас разберемся.

Белоусый воин лихо спрыгнул на землю, небрежно бросив повод Туману, и поспешил вслед за приказчиком.

– Мил человек, не след спешить, когда есть возможность переброситься парой слов с добрыми людьми!

– Ты-то в таком разе причем? – проворчал неприветливый коротышка, но Тверд уже точно знал – выжига с ним обязательно договорится. Этому плуту либо вовсе нельзя давать раскрывать рта, либо, коль уж такое случилось, смириться с тем, что все выйдет так, как он захочет.

Правда, нынче утром его помело не сумело оставить за ними уже, казалось бы, приплывшую в руки работу. Смоленский купец, набравший добрую охрану для снаряженного в Саркел каравана, с превеликим удовольствием принял ветеранов этерии базилевса еще вчера, бил им по рукам, хлопал по плечам и наливал, не жалея кун и рассуждая, насколько крепко они зададут степным налетчикам, буде те наберутся глупости напасть на столь справное воинство. Но сегодня поутру вдруг решил забрать свое слово назад. И дал им разворот чуть ли не на сходнях ладьи. Чтобы купец не выполнил договор, скрепленный битьем по рукам? На памяти Тверда такое случилось в первый раз. Как, собственно, и первый раз, когда он увидел растерянного и потерявшего дар речи Хвата. Это уж потом он орал на всю пристань. Хотя в неистовстве смысла не было никакого. Понятно же, что некий растреклятый доброхот нашептал смолянину, с какими людьми он имел неосторожность преломить хлеб и чем эта дружба может ему в Киеве грозить. Непонятно было лишь одно – какого пса они приперлись в стольный град. Знали ведь, что за встреча их, скорее всего, будет здесь ждать.

Надеялись на авось?

Или вправду зеленые глаза имели над ним такую власть, что притянули сюда с другого конца света?

Тряхнув головой, словно так легче было отбросить эту навязчивую мысль, Тверд спрыгнул на землю и кивнул Туману в сторону яростно перешептывающихся Хвата и приказчика.

– Как закончат, коней пристрой. Я внутри обожду.

В харчевне по вечерам люду набивалось – не протолкнешься. Днем же купчины со всей своей сворой смердов, закупов да гридней разбегались по торжищам и пристаням. Так что сейчас лишь в противоположном углу горницы, темном от того, что свет из окон туда если и добирался, то как-то неуверенно и без особой охоты, угрюмо стучали деревянными ложками крепкие мужички в кожаных фартуках доспехов. Встреть их Тверд на большой дороге, ни за что бы не удивился. Но то ли лихой промысел совсем захирел, то ли их наниматель вовсе не разбирался в людях.

Есть не хотелось. Пить – тоже. Поэтому, когда к нему подошел сухопарый парнишка со смешным черным пушком на подбородке, Тверд было махнул рукой, отсылая его восвояси, но по бегаящим глазам мальчика догадался, что тот не только снеди хочет предложить.

– Человек приходил, вас спрашивал, – нервно переминаясь с ноги на ногу, заявил мальчишка.

– Сказал, кто таков?

– Нет... То есть да, – поваренок выглядел не то удивленным, не то напуганным. – Он сказал... Говорил, голова киевской гильдии хочет вас видеть. Купеческой гильдии.

Тверд отметил, что ложки в темном закутке перестали стучать о деревянные миски. Честно говоря, он очень сильно надеялся, что его собственная челюсть при этом не опустилась до самой столешницы. Теперь понятно, почему у паренька в глазах плещется не то растерянность, не то какой-то даже суеверный страх.

Хотелось бы только понять – когда это Хват успел подговорить мальчика, чтобы тот ска-
знул такое при свидетелях. Они ж с утра, когда выезжали отсюда, вроде бы не собирались
обратно возвращаться. Тверду осталось лишь сделать хмуро-безразличное лицо, кивнуть одоб-
рительно отроку, да кинуть ему медяк за труды.

Надо же, сама купеческая гильдия заинтересовалась их мечами. Ну, Хват! Ну, плут. После такой новости желающих заполучить воев, пользующихся *таким* спросом, знамо дело, должно было изрядно поприбавиться. Лишь бы поваренок раньше времени не проболтался кому... Может, следовало ему не медяк дать, а серебряный обреза? А то хрен его знает, каков там у них с Хватом был уговор.

Выбранная им светлица была вполне пригодна. Тех денег, что пришлось за нее отвалить, она, конечно, не стоила. Но две могучие кровати, толстенные медвежьи меха, приколоченные к стенам, масляные светильники, исправно заправлявшиеся каждый вечер, делали пребывание здесь в целом сносным.

Тверд снял перевязь с оружием, прислонил его к широкой лавке, на которой по оче-
реди спали оба его воя, на ночь подпирая ею – мало ли что – входную дверь. Расстегнуть все
ремни и крепления на доспехе было делом мудреным, но свою броню он подогнал под себя
так, чтобы всегда мог сделать это самостоятельно. Ламеллярный панцирь свалил на кровать,
туда же отправилась с кряхтением и звонким позвякиванием снятая кольчуга. Сверху побро-
сал кафтан и льняную рубаху. Не собирайся они сегодня отбыть отсюда насовсем, конечно, не
стал бы напяливать на себя все это добро. Чай, не капуста. И после целого утра, проведенного
в таскании воинского богатства на собственном горбу, тело изрядно взмокло и шибало в нос
мощным духом. Благо у окна стояла толстопузая кадка с водой, и опрастать ее по их отъезду
еще не успели. С радостью поплескавшись в холодной воде, Тверд отчего-то решил не выти-
раться рушником, а дать телу удовольствие обсохнуть на свежем поветрии.

И распахнул ставни.

Тихий шелест и короткий хищный свист он не перепутал бы ни с чем другим.

Ни щита, ни брони. Да и обратно захлопнуть ставень уже не успеть. Пока голова прики-
дывала все эти варианты, наученное многолетним и, по большей части, невеселым опытом тело
среагировало само собой, бросившись в сторону. Руку словно обдало сквозняком, за спиной
глухо тренькнуло. Глянув назад ошалевшими глазами, Тверд увидел будто расцветший прямо
на входной двери уродливый цветок арбалетного болта.

Он знал, что выбор у него теперь невелик: либо удивляться, либо догонять. Коротко
чертыхнувшись, он схватил стоящую под окном лохань и, щитом выставив ее перед собой,
выпрыгнул из окна.

Но второго выстрела не последовало.

Свалившись со второго поверха, он перекатился через голову, разодрав плечи малиной и
раздолбав в щепки кадку. В два прыжка очутился перед опоясывающим палисадник забором,
в три – перемахнул через него, стараясь не упускать из виду многоуровневую крышу богатого
терема по другую сторону улицы. Там смазанным пятном мелькнула какая-то тень.

С забора он прыгал не глядя, и потому приземлился чуть ли не на голову проезжавшему
мимо всаднику в богато расшитом кафтане. Лошадь то ли от испуга, то ли от внезапно удво-
ившегося веса присела на задние ноги и пронзительно заржала. Наездник, еле удержавшись в
седле, разразился градом проклятий и взмахнул плетью, метясь по метнувшейся от него через
улицу голой спине. Кожаный хлыст рассек воздух над плечом, не задев. Тверд на это внима-
ния уже не обращал. Перемахнув через груженную мешками телегу, очутился перед другой

оградой. Какой-то добрый плотник верхний ее венец изукрасил искусной резьбой. Именно за эту вычурную красоту он и зацепился, чтобы перепрыгнуть через забор. Купеческое подворье встретило, как вражеский флот под сотнями парусов – аршинами развешенного и лениво раздувающегося на легком ветерке белья. Обзор все эти полотнища закрыли напрочь, но Тверд продолжал ломиться вперед, повинувшись исключительно чутью и не обращая ни малейшего внимания на остающиеся за спиной окрики, пусть даже они могли означать начало другой погони – уже за ним самим. Вырвавшись на свободное место, озираясь он не больше мгновения. Прыгнув прямо на здоровенного рябого детину, выскочившего навстречу из какой-то клетки, голый по пояс, в мокрых штанах и, должно быть, как капля воды похожий на самого распоследнего татя, он впечатал тело смерда в стену и, мощно оттолкнувшись от него ногами, зацепился за резной козырек высокого крыльца. Пока рябой пытался понять, что происходит, и ухватиться за штаны свалившегося на него лиходея, Тверд рванул вверх, напоследок лягнув детину по башке каблук.

Привлеченная шумом во дворе, в окно выглянула какая-то толстощекая баба. Понять по ее лицу, удивлена она, испугана или, наоборот, обрадована возникновению пред светлыми очами полуголого, мускулистого в шрамах тела мужика, было сложно. Вот будь на его месте Хват, тот, скорее всего, остановился бы полужгать семечки да познакомиться. Тверд же оттолкнулся от подоконника, сиганул на следующий поверх, откуда уже и до ската крыши было в прямом смысле рукой подать.

И лишь выбравшись на самую маковку терема, осмотрелся внимательнее. Задний двор выходил на пустырь, заканчивающийся логом, поросшим по краям высокой травой да чахлыми деревцами. У одной из тонких березок мирно паслась оседланная лошадь. А внизу, у самой ограды, на него смотрел человек с низко нахлобученной на глаза шапкой степняка, в кожаном доспехе и с самострелом в руках. Направлен самострел был, понятно дело, в его, Тверда, сторону.

Дождаться выстрела воин гвардии базилевса не стал, без раздумий сиганув вниз. Волосы на макушке коротко рванул хищно свистнувший ветерок. Болт тренькнул где-то за спиной. Стрелок, закинув арбалет за плечо, прыснул к калитке, на бегу врезался в нее плечом, с грохотом растворив настежь, – и исчез с глаз. Съехавший на заднице к самому скату крыши Тверд исхитрился изогнуться не хуже выброшенного в окно кота, аж до хруста где-то в спине, цапнулся обеими руками за резные обереги, окаймлявшие маковку терема, и повис на них. Татя с выстрелом явно поспешил – сейчас его жертва являла собой куда более удобную мишень. Поболтав в воздухе ногами и коротко оглядевшись вокруг, Тверд вдохнул, выдохнул и, мощно оттолкнувшись, бросился вниз. Чуть ли не под его ногами, явно собираясь в ближайшем будущем посоревноваться с домом в высоте, росло дерево. С хрустом, треском и хряском пролетел он через густую крону, кубарем вывалившись из нее и, не обращая внимания на зудящие ссадины, взвился на ноги. Правое колено прострелило болью, но Тверда редко останавливали и куда более лихие увечья. Как и куда более серьезные супостаты, нежели тот, который вывалился из дворовой пристройки справа. Холоп коршуном метнулся к колуну, торчащему из чурбана, одним махом высвободил его и бросился на упавшего с неба голопузого разбойника. Не желая напрасно тратить время на этого решительного бойца, Тверд бодро дохромал до калитки, из которой не так давно вырвался на волю таинственный стрелок.

– А ну-ка стоять, холера беспортошная! – громынуло сзади.

Тверд и ухом не повел. Калитка, запоры которой были выбиты еще до него, открылась приглашающе, с приятной даже легкостью. И едва недомывшийся да охромевший воин распахнул ее, как увидел прямо напротив себя сидящего уже верхом на той самой коняге татя с наведенным прямо на него арбалетом.

– Твою сыть!

Воинский инстинкт швырнул его вперед и вниз. На сей раз за топотом копыт и криком преследовавшей его дворни он не расслышал звука рассеченного болтом воздуха. Зато услышал мокрый всхлип сзади. Проследил тоскливым взглядом за безнадежно удаляющимся арбалетчиком. И лишь затем обернулся. Гнавшийся за ним холоп боевым чутьем богат не был. О чем красноречиво говорили выпученные от ужаса глаза и едва торчащая из заливающегося кровью горла короткая стрела. Мужик уже заваливался на спину, когда Тверд одним расчетливым махом вырвал из его костенеющих пальцев топор, захлопнул калитку, подпер ее снаружи топором, для надежности даже пристукнув по нему два раза ногой. Погоню такая препона хоть на какое-то время остановит.

Еще раз скрежетнув зубами, глянул в спину улепетывающего татя и, решив, что раз нельзя догнать, то и нечего отвлекаться, спорым поскаком подался в сторону спасительных зарослей оврага. Отчего-то не хотелось ему объясняться со своими преследователями, доказывать им, что убийца – вовсе не он. Щур пойми почему, но не покидала уверенность: хрен ему кто поверит.

* * *

– Да говорю тебе, он это, – в десятый вроде как уже раз повторил Хват. – Больше просто некому.

– Некому? Просто – некому? – Тверд знал, конечно, что варяг с правдой дружбы водить не любит, но это уже было чересчур.

– Ну, да. Кому бы еще надо было подсылать к тебе душегуба?

– То есть ты уверен, что этого стрелка подослали по мою душу?

Тверд встал с лавки и подошел к окну. Ставни в их светлице вновь были плотно закрыты, и на сей раз распаивать их желания у него не возникало.

– Как я уже говорил, стрела прилетела, едва только я открыл окно. Сразу же. Понимаешь? Если этот арбалетчик не умеет смотреть сквозь дерево, – для наглядности Тверд бухнул растопыренной пятерней по плотно подогнанным доскам ставней, – то он никак не мог знать, что окно открою именно я.

– Можно предположить, что у него в этой харчевне есть погляд, который дал ему знак.

Если бы это сказал Хват, видит Род, ему бы не поздоровилось. Привычка цепляться за каждую возможность выгородить самого себя время от времени раздражала сверх всякой меры. В последнее время – все чаще. Но голос подал Туман. И готовый уже было взбелениться Тверд попридержал коней. Да, такое и вправду могло статься.

– Во, – с готовностью ткнул узловатым пальцем в ученого соратника Хват. – Иногда даже от слепых кротов прок есть.

– Но ведь точно так же «можно предположить», что сюда за нами дотянулись византийские... руки.

– Да откуда бы им тут взяться?

– А почему бы им тут и не взяться? Туман, может, напомнишь нам, почему это мы, интересно, столь спешно покинули Константинополь?

Книгочей с удивлением взглянул на Тверда, будто тот попросил его объяснить, что это за мокрая штука плещется на дне колодца. Впрочем, удивляться было не в его правилах. Почесал макушку, встопорщив на ней непослушную шевелюру, поправил стягивающий ее тонкий кожаный ремешок, тряхнул гривой русских волос, поскреб коротко обрзанную бороду, потер двумя пальцами тонкую, не изломанную еще ни в одной из битв переносицу.

– Может, крикнуть дворню воды натаскать? – проворчал Хват. Он тоже невольно провел ладонью по своему носу, чуть кривому от доброго удара щитом, тронул располовиненную шра-

мом верхнюю губу, прикрытую, впрочем, усами. Неудивительно, что целехонькая рожа Тумана его время от времени начинала раздражать. – А то, гляжу, исчезался весь.

– Наш побратим здорово проигрался в кости византийскому ворю, – принялся, как пописаному, излагать книжечей. – Почему он решил водить дружбу с этими душегубами, а уж тем более, какой половиной задницы додумался играть с ними на деньги, я, к примеру, понять не могу. Потому что дальше все было вполне предсказуемо: когда долг свой отдать оказался не в силах, добрые друзья-тати вдруг превратились в очень кровожадных убийц. И чтобы не оказаться найденным одним прекрасным утром в отхожей яме с перерезанным горлом, доблестный гвардеец базилевса решил рассчитаться с долгом, выкрыв казну этерии. То есть жалование двух с половиной тысяч лучших гвардейцев базилевса, большая часть из которых – норды. Обокрасть такое число викингов можно было додуматься разве что второй половиной зада. А более безобидного способа поиска денег наш героический стратиг отчего-то не придумал. В результате на хвост ему сели и воры, желающие заполучить причитающуюся им сумму, и легионеры. Всех этих людей сближала одна светлая цель – убить проходимца. Меня, кстати, она посетила тоже. Особенно после того как нас, подозревая в причастности к этой афере, повязали и со всем нордским тщанием принялись выпытывать о деньгах. К которым мы, замечу, не имели ровным счетом никакого отношения.

– Сдается мне, ты добрался как раз до того места, где нужно упомянуть, кто вас из этой передряги вытащил. Рискуя, между прочим, жизнью.

– Да та самая ворюга, которая нас в эту передрягу и втянула. Рискуя, между прочим, нашими жизнями. И если мы хотим сейчас разобраться, кто и за что возжелал нас порешить, мне почему-то тоже в последнюю очередь приходит на ум боярин Полоз, на чью жену еще мальчишкой зарился кентарх, и о чем рекомый княжий ближник, скорее всего, и думать-то давно забыл.

– Я бы не забыл, – уперся Хват.

– Да? А почему же ты тогда забыл деньги вернуть? Хоть кому-нибудь. Или вора, чтобы оставили в покое, или этериарху, чтобы унял нордов и прекратил носиться за нами. При таком раскладе врагов у нас стало бы ровно в два раза меньше.

– А смысл? – бесшабашно хмыкнул варяг. – Все равно кто-нибудь да остался бы недоволен. И один хрен пришлось бы бежать из Византии и впредь сторониться всякого темного угла. Так если избежать всего этого нельзя, не лучше ли делать все то же самое, но – с деньгами?

– Тебе виднее. Нам-то разницы нет. Мы ведь тех денег так и не увидели.

– Ну так, узнай вы о них раньше времени, наверняка забрали бы их и вернули этериарху. Хотя один леший были бы выгнаны из гвардии, и добро б еще, коль живыми.

– Именно так и было бы.

– Ну, сами ведь видите – резон не посвящать вас у меня все ж таки имелся. Как, кстати, – поднял Хват кверху палец, прерывая готовые сорваться с языка слова Тверда, – как, кстати, и у боярина Полоза – пристрелить кое-кого. Мы же ведь выяснили, что в этот постоянный двор он вполне мог подослать не только арбалетчика, но и человека, который мог бы ему в нужный момент подать нужный знак.

– Ты не думаешь, что все это – слишком сложно и чересчур притянута за уши, чтобы быть правдой? – поинтересовался Туман.

– А чё думать? Надо пойти да спросить.

– Ты совсем дурак? – выдохнул Тверд.

– А чё? Дорогу, считай, я знаю...

– Да я ее и без тебя знаю. Я о другом. То есть ты уверяешь, что покушался на меня Полоз, и чтобы выяснить, так это или нет, предлагаешь пойти к нему – и спросить?!

– Ну, – Хват принялся внимательно осматривать свои ломаные да кусанные ногти, – не обязательно прямо у него спрашивать. Можно ж ведь и у кого другого спросить... У женки его, например.

– Слушай, ты, прореха конская!.. – Тверд опасно надвинулся на соратника, дозрев, наконец, до того, чтобы выгнуть один слишком длинный и кривой нос в другую сторону.

– Спокойно, – Хват выставил вперед руки в примирительном вроде бы жесте, но слишком они его хорошо знали, чтобы не понять: все эти мозоли да потертости, оставленные на ладонях сотнями рукоятей клинков и топоров, продемонстрированы им сейчас не случайно. – Давайте смотреть на все трезво.

Туман недвусмысленно хмыкнул, давая понять, что думает о трезвых взглядах одного проходимца.

– Выяснить, не византийцами ли подослан этот стрелок, мы сейчас все равно не сможем. Ну, вот никак. Остается одно – узнать, не Полоза ли это рук дело.

– Вот и узнай у своей ключницы.

– А я думаю, кому-то одному из нас троих попасть в боярский терем нужно гораздо больше, чем остальным двоим.

– Слушай, если ты еще хоть раз, хотя бы одним словом обмолвишься об этой своей пришибленной идее устроить мне свидание с замужней бабой, я тебе обещаю...

Высказать угрозу до конца Хват не позволил.

– А если это не моя идея?

Глава 2

Ждана

То, что к вечеру небо затянули угрюмые тучи, им было только на руку. Где-то в глубине лиловых громад недовольно перебирал свои секиры Перун, посылая земле отзвуки их скрежета, когда они соприкасались друг с другом. Вторил ему Сварог, изредка бухая в небесной кузне тяжеленным молотом по исполинской наковальне. Не иначе, перековывал поостывший да пообтершийся о небесную твердь солнечный диск. При этом грохоте уши закладывало по-настоящему, а бестолковые лошади, ничего не смыслящие в устройстве мира, испуганно шаркались, приседали на круп, трясли гривой и недовольно пританцовывали на месте.

Отсюда как на ладони был виден княжеский кремль. Сейчас он угрюмо чернел на фоне остывающего белесого куска неба, прогнувшегося под весом тяжелых туч. Рукой подать было и до хазарского конца. Правда, это соседство радовало не особенно.

– Эта кочерга никогда, что ли, не гаснет?

Хват недовольно смотрел на хазарскую башню, венец которой был объят высоченным столбом пламени. Его отблески плясали на хмурой роже варяга, бросали дикие тени на терема знатных мужей, отодвигали мрак в угрюмые подворотни, становившиеся от этого еще более зловещими.

– Нам вообще-то темнота нужна и сонный покой, а эта лучина половине города спать не дает. Что за обычай – палить столько дров?

– Ромеи говорят, что и славянский Ярило, и Чистый хазар – одно и то же божество, – как по-писаному тут же выдал книгочей. – Непонятно только, мы первыми его почитать стали или переняли обычай у них. Их священное пламя – главный символ веры огнепоклонников.

– Да мне что с того, что они лучине кланяются? Ты мне лучше скажи, раз такой умный, как нам сейчас незаметными туда пробраться?

– Ну, ты же вчера как-то пробрался. Притом ночью. И раз костер этот не заметил, стало быть, не так-то он тебе и мешал.

– Хе! Так не до того было, – ослабилась варяг. – Но сегодня не мне ж на бабу лезть.

– Хват, я тебе когда-нибудь усы твои вислые в отхожее место суну, чтобы рот потом открыть боялся, – тут же откликнулся Тверд. – Или, вон, хазарам отдам. Они тебя на маковку своей стрельни привяжут, да чуб подпалят. Ты и так-то на свечку с этим фитилем на башке похож. Вот и будешь у них заместо бога.

– Я вот сейчас коня поворочу, и думайте тогда сами, как туда пробираться, – угрюмо откликнулся Хват. Когда перебранка касалась чуба, рука его непроизвольно, Тверд это не раз замечал, хваталась за рукоять меча. – Вы как раз удачно друг другу подходите – один умный, другой главный. Вот и валяйте.

На миг меж ними повисла тишина, мрачная, как тени, злобно пляшущие из углов на хазарское пламя. Слышен был лишь затихающий во дворах людской гомон, да торжественный гул костра на высоченной веже, прерываемый громким треском горящих бревен.

– Хват, ты нас сюда притащил, чтобы это сказать? – первым не выдержал Тверд.

Они померялись недовольными взглядами, после чего варяг шумно сморкнулся, харкнул в чей-то палисадник, с деловитой придирчивостью осмотрел свои ногти. И лишь потом, будто случайно вспомнив, зачем, собственно, они сюда пожаловали, с ленцой и явной неохотой слез с коня, зыркнув на соратников. Взор был недовольный до такой степени, будто он их тут ждал уже пару дней под дождем, а они и не думали торопиться.

– Значится, что? Туман, ты оставайся с лошадьми. Сведи их вниз по улице, подальше от этого светильника. А мы вдвоем пойдем.

Они выбрали тень погуше, у забора, под раскидистыми ветвями яблони, обождали, покуда мерный перестук копыт и бряцанье подпруг утихнет в вечерней тиши.

– На нарядном подворье делать нечего. Там боярин Полоз изволит собак держать. Хороших, здоровых. Ночью их спускают. Поэтому пойдем через челядные пристройки, они тыном от барской усадьбы отгорожены – холопам тоже без надобности быть загрызенными.

– Челядные постройке случайно не с казармами ль для гридней соседствуют?

– А то! Там еще две стрельни стоят.

– И с чего бы нам в таком случае туда соваться?

Хват насмешливо фыркнул.

– Это ж не Царьград, где всяк вельможа может утром не проснуться. В Киеве боярам от кого хорониться? Ну да, стрельни есть. Высокие, красивые. Сторожа даже имеются. Да только гридням какая разница, где спать – на посту аль на полатах? Добро еще, коль баб с собой туда не притащат.

– Баб? В сторожевую башню?

– Я так и делал, – пожал плечами Хват, но осекся, покосился на каменное лицо Тверда, глухо прочистил горло и пожал плечами. – В том смысле, что когда ты еще кентархом не стал. А после того, конечно, никогда.

Высокий тын нарядной стороны усадьбы они миновали, не стараясь особо хорониться. Но как только нырнули в узкий проулок, двигаться стали быстрее. Внимание к себе привлекли лишь раз – когда из-за тына раздалось низкое горловое рычание. Впрочем, прущий первым проводник внимания на пса не обратил. Тем более что недовольное ворчание волкодава осталось за спиной. Видимо, за той самой оградой, что внутри усадьбы отделяла хозяйское подворье от челядного. Порычав еще немного, псина напоследок бухнула низким гавком и удалилась, посчитав, видать, тревогу ложной.

Хват молча пялился на верхний венец вежи, где не угадывалось никакого движения. Чему могло быть два объяснения: либо ночная сторожа слишком хороша и наблюдает за улицей по-тихому, либо она – хреновей не придумаешь. Дрыхнет, например. Или вовсе отсутствует.

Подождав еще немного, Хват, пригнувшись, осторожно тронулся с места.

Тихо.

– По ту сторону к тыну примыкает дровяник, – шепотом сообщил варяг, едва Тверд осторожно приблизился к нему. – Крыша – плоская.

Тверд молча кивнул. Это значило, что перемахивать через тын нужно аккуратнее, дабы не загрохотать сдуру сапогами о крышу постройки, что обязательно случилось бы, не знай он о ее существовании. Ну? А раз кровля плоская, то на ней и нужно обождать да оглядеться.

Еще раз бросив настороженный взгляд в темный провал верхнего прясла стрельни, Тверд оттолкнулся ногой от сцепленных замком рук Хвата и одним привычным махом перевалился на другую сторону. Как ни старался сделать это бесшумно, сапоги все равно глухо бухнули по доскам. Тверд мигом опустил на живот, стараясь всем телом вжаться в кровлю. Стрельня сейчас высилась как раз над ним, и плюющийся на слабом поветрии факел пляшущим без особой охоты светом шарил как раз в том месте, где сейчас разлегся невольный лазутчик.

Будь сейчас кто на страже, самое бы время бить тревогу.

Но слабо томно шелестящая листва да проснувшийся где-то сверчок были единственными, кто издал хоть какой-то звук.

Спустя мгновение к ним присоединилось недовольное сопение и вошканье еще одного ночного татя.

– Мог бы и руку подать, – ворчливо шепнул Хват. Катнувшись в сторону, он тут же исчез внизу. Обождав еще пару ударов сердца, Тверд нырнул за ним. Варяг уже деловито шарил по дровнику, пытаясь что-то найти в темноте.

– Тут где-то лестница должна быть. И ежели ты случайно не умеешь, как нетопырь, с крыши на крышу свой зад бесшумно перетаскивать, без нее дальше ходу нет.

– А лестница что, летать поможет?

– Ага. Поможет. Если, конечно, с нее свалишься. Внизу-то собаки. Я бы, например, чем к ним на ужин шмякнуться, ей-богу, лучше б полетел.

Лестница оказалась длинной и тяжелой. Стараясь двигаться вдоль тына, они добрались до задней стены гридницы. Меж ней и внутренним тыном чернел узкий просвет, и если и можно было где забраться на крышу незаметно, то разве что там.

– Времени у нас сейчас немного, – зашипел в ухо Хват. – Как вверх попрушь, наш блохастый знакомец со своими соратниками наверняка тебя учует. А уж шум-то они поднять, сдается мне, умеют. Поэтому все делаем быстро.

Тверд промолчал. Все это он знал и сам. Вдохнул, выдохнул – и бросился наверх. Взлетев на крышу одним махом, перегнулся через край и помог взобраться Хвату. Еле поборов при этом соблазн схватить и затащить его за чуб. Сдержался. Соратник искренне полагал, что этот клочок волос имеет право трогать только он сам, да еще Род, когда наступит время вытаскивать своих воев из вод Всемирного Потопа.

Господская баня примыкала к гриднице, и перейти на нее большого труда не стоило. Если, конечно, не брать в расчет необходимость идти по узкому коньку с длиннющей лестницей на руках. Стиснув зубы от натуги, они аккуратно наклонили ее параллельно земле и, едва сдерживаясь, чтобы не закричать, тихонечко опустили на кровлю ближайшей к ним пристройки боярского терема.

Внизу послышалось знакомое ворчание.

Хват навалился на перекладыны, придавил их своей немалой тушей к коньку крыши. Впрочем, Тверду все равно показалось, что его веса может и не хватить. Не придавали уверенности ни шаткая поверхность под ногами, ни усиливающееся рычание внизу, ни уж тем более то, что увидеть его сейчас мог кто угодно. Хоть стражник на веже, хоть бегущая по нужде сенная девка, хоть сам Полоз, возжелай он подышать перед сном предгрозовым воздухом и вынь рожу из окна.

Снизу на него смотрели уже три огромных пса. Судя по прижатым ушам и оскаленным пастьям, в этот вечер они не особенно рады были встрече с гостями, какие бы мудреные пути в терем те ни выбирали.

Быстро перебирая ногами, споро перескакивая с перекладыны на перекладыну, Тверд неся к господскому терему, слыша по первости лишь стук деревянных крестовин под сапогами, да шум крови в ушах. Впрочем, очень скоро к ним присоединился и громкий рык, переросший в хрипящий от ярости лай. Не обратить на него внимания было уже совсем невозможно. Если даже не всем обитателям терема да челядной, то уж по крайней мере – псарю. Ну, и просравшей двух татей стороже.

Понял это и Хват.

Как только взгляды их встретились, он бесшабашно оскалился, залихватски подмигнул и беспечным жестом махнул в сторону одного из окон терема.

Тверд кивнул в ответ. Ему – туда.

Прохладу ночного воздуха пропорол свист летящей стрелы. Выпущена она была бестолково и лишь деревянно брякнула о настил крыши у ног варяга. Тот, ясное дело, не придумал ничего лучше и умнее, как заржать и ткнуть при этом пальцем в сторону стрельни.

– Хороша охорона! Добро еще, я сюда за бабой пришел, а не за вашей худой кровью. А ну, фу!

По-бычьи взревев, он поддел тяжеленную лестницу ногой да и обрушил ее вниз, прямо на бьющихся в истеричной брехне псов. Снизу раздался короткий визг, после чего волкодавы принялись драть свои глотки с утроенным тщанием.

Уклонившись от еще одной стрелы и тут же отбив другую мгновенно выхваченным из-за голенища коротким мечом, Хват развернулся в ту сторону, откуда они сюда прокрались, пробухал по крыше бани тяжеленными своими сапогами – и прыгнул в челядное подворье.

Поняв, что хотя на боярском подворье на него внимания сейчас никто не обращает, Тверд принялся осторожно подбираться к тому окну, на которое ему указал варяг. А находилось оно аж на третьем поверхе. Невольный лазутчик хотел только одного – чтобы соседям его светлости не засвербило узнать, что там такого стряслось у Полоза. Потому что если со двора его было не видать, то с улицы подозрительно таящуюся на двускатной крыше фигуру не разглядел бы разве что слепой.

Он подтянулся на руках и осторожно выглянул из своего укрытия. Во дворе метались фигуры людей, тени собак, изредка в сполохах пламени факелов высверкивало оружие. Но вся эта погоня была снаряжена в противоположную сторону. Пожелав Хвату удачи, Тверд бросил тело через небольшой проем меж строениями терема. Руки, лихорадочно ища опору, цапнули наличник. Плотник, смастеривший резное чудо со всем тщанием и знанием дела, никак не мог предположить, что его тонкую работу когда-нибудь будут использовать таким вот образом. И не рассчитал, чтобы любовно вырезанные узоры вдруг приняли бы на себя вес в несколько пудов. Наличник с подлой готовностью затрещал и принялся с натужным хрустом вырываться из рамы. Чтобы не оказаться на земле вместе с ним, Тверду пришлось перенести часть веса на ставень, который не преминул повести себя точно так же.

Судорожно вдохнув и выдохнув, он подтянулся на руках, чувствуя, что еще немного, и его опора вот-вот таковою быть перестанет. И очень сильно надеясь, что в светлице, под которой он сейчас болтается, никого нет. В противном случае любая баба могла безбоязненно скovyрнуть его ухватом или даже веником.

Нужное окно было поверхом выше. Усевшись на край подоконника и изо всех сил стараясь не глядеть при этом вниз, Тверд напоследок бросил настороженный взор на подворье. Там по-прежнему царили суматоха, паника и неразбериха. Убедившись, что и сейчас его вряд ли кто видит, он бросил тело вверх.

Пальцы, будь они неладны, снова зацепились за резную и совершенно ненадежную красоту наличника. Впрочем, было бы хуже, цапни они вместо того пустоту...

Привычными уже движениями вытянув тело на подоконник, он осторожно заглянул внутрь.

На столе чадит лучина, у двери, подвешенная к крюку на потолке, горит масляная лампа. И вроде бы никого.

Поднатужившись в последний раз, он забрался в окно, затравленно огляделся и прыгнул на пол. Стук сапог заглушил вдаривший снаружи раскатистый грохот грома. Словно от испуга колыхнулись спадавшие с самого потолка и, должно быть, прикрывавшие чье-то ложе нарядные ткани балдахина. Огонь лучины боязливо затрепетал.

И все.

Странно. Хват-то говорил, что ключница будет ждать его здесь. А когда все утихомирится, отведет его к...

– Добрыня?

Звук знакомого голоса едва не опрокинул его, отправив обратно в распахнутое окно.

Она стояла всего в паре сажений от него, прикрываясь этим самым балдахином. В зеленых глазах плескался не то испуг, не то удивление. Но уж точно не радость от встречи с желанным героем.

– Ждана? – наконец-то совладав с голосом, просипел он.

* * *

Тверд достаточно пожил на свете, а повидал так даже сверх того, что называется достаточно, чтобы уяснить для себя одну простую истину – судьба любит время от времени подкинуть в щи навозу. И если где-то глубоко внутри он, вернувшись на родную сторону, желал этой встречи, то уж, конечно, совсем не так ее представлял. Причем и встречу, и саму Ждану.

Она изменилась. В первую очередь глаза. Теперь в них не кружила легким пухом лебединая нежность. А читался вопрос, причем не из самых добрых.

– Что ты тут делаешь? – лишь этот дурацкий вопрос и пришел ему на ум.

– Что я тут делаю? – от удивления она едва не всплеснула руками, отчего занавесь балдахина наверняка скользнула бы в сторону. Хотя и без того он успел отметить, что тонкий девичий стан за эти годы по-бабьи отяжелел. – Что я тут делаю? Это вообще-то моя почивальня! Какого лешего *ты* сюда залез?!

Ему сразу вспомнилось восстание константинопольского плебса, едва не перехлестнувшее через могучие стены дворца базилевса. Усмирить его удалось только этерии, которая вышла навстречу морю восставших плебеев и рабов. Они подозревали, конечно, что смута эта полыхнула не просто так, но когда в тыл выстроившейся в боевой порядок гвардейской фаланге вдруг выскочил большой кавалерийский отряд, в том пропали последние сомнения. Так вот. Тогда, оказавшись в окружении многократно превосходящих сил противника, он остался далек от того, чтобы запаниковать.

А сейчас – запаниковал.

– Но... – в горле застрял комок, ладони мгновенно взмокли. – Я думал... Мой человек... В общем, он сказал, что ты меня вызвала к себе. Через ключницу. – Тверд поймал себя на мысли, что лепечет он, будто несмышлениш, оправдывающийся перед строгой мамкой. – Я вообще-то думал, что лезу в ее окно.

За этим самым окном снова гроыхнуло. И тут же в спину ударила волна прохлады: черные громады туч разродились-таки ливнем. Крупные капли задорно забарабанили по подоконнику, с которого он только что спрыгнул в боярскую, выходит, опочивальню. И все равно звуки Перунова веселья не заглушили возню и толкотню, не прекращающуюся во дворе.

– Маланья! – вдруг властно крикнула боярыня.

Тверд похолодел. Но, с другой стороны, не нападать же на баб! Он метнулся в темный угол, который не просматривался бы человеком, вошедшим в двери. Боги ведают, за каким лешим он это вычудил. Наверное, боевые привычки взяли свое.

В светелку тут же впорхнула молодая девчушка. К нему она стояла спиной, потому видел он только голубой сарафан, да длинную темную косу ниже пояса.

– Поди узнай, что там внизу творится, – не терпящим возражений жестом царственно взмахнула рукой боярыня. Девка тут же упорхнула восвояси.

Только после этого Ждана вновь перевела колючий свой взгляд на ночного пришельца.

– Не позабыл, значит, – в легкой улыбке боярыни теперь была светлая грусть. – Отвернись, охайник. Неча на замужнюю бабу зенки тарашить.

Тверд повиновался с расторопностью, которой в первые годы службы от него долго не мог добиться его кентарх. Светлый путь старику за Камень. Легкий шелест за спиной сменился шорохом шагов.

– Ну что ж, садись, коль пришел. Теперь нас никто не подслушает. Рассказывай.

Она сидела за тем самым столом, на котором под напором бьющего из окна свежего дождевого духа жалко трепыхался огонек лучины. Накинутая поверх рубахи шитая дорогой нитью понева, поверх нее – передник. Волосы наскоро прибраны под плат.

Да, перед ним сейчас сидела боярыня. И это уже была вовсе не его Жданушка. Тут же родилась мысль с привкусом горечи, что отныне образ его лады навсегда сотрется из памяти, замененный воспоминанием о сегодняшней их встрече.

– Молчать-то долго будешь, воин заморский? Они ведь сейчас поймут, что за тенью в подворье гоняются, примутся терем обыскивать. Да и девка моя сенная скоро вернется. На погляделки времени у нас нет.

Будь здесь вместо него Хват, он бы уж, конечно, эти слова воспринял как недвусмысленный призыв к действию. Но... Тверд боярыню не хотел. Ему нужна была *его* Ждана, а ее, судя по всему, больше не было.

Он сложил перед собой руки, потому как решительно не знал, куда их девать. Прочистил горло.

– Я не один в Киев вернулся, – не зная, с чего начать, сказал он.

– Ого, – всплеснула руками боярыня. – Так это твои там люди, что ли, внизу шум подняли? А меня ты, случаем, не выкрасть ли удумал?

Отвечать Тверд не стал. Шалила у него в голове такая мыслишка, когда они вернулись в Киев. Да и покуда в Царьграде служил, ни на день его, если честно сказать, не покидала.

Он вздохнул и еще раз повторил, что его Жданы больше нет.

– Мы приехали в стольный град недавно, – ровным и как можно более холодным тоном начал он. – И задерживаться тут не собирались. Да и сюда забираться – тоже.

Он ненадолго умолк, заметив мимоходом, как вновь завлакивается льдом зелень ее глаз.

– Но на нас кто-то устроил покушение. На меня, если быть точнее, – непонятно зачем добавил он.

– И ты, конечно, решил, что это мой муж.

– По правде говоря, и без него желающих всадить любому из нас нож меж лопаток хватает, – не стал лукавить Тверд. – Но мы рассудили так, что боярин Полоз не хуже прочих может быть одним из охотников до моей головы.

Боярыня фыркнула.

– С чего бы ему интересоваться жизнью всяких проезжих гридней?

Нельзя сказать, что его эти слова совсем уж не задели.

– Мы оба знаем, с чего, – хмуро заметил он.

– Из-за меня?

Вместо ответа он вновь посмотрел ей прямо в глаза.

– Если мои слова для тебя еще что-то значат, поверь мне – он бы не стал этого делать. Видят боги, забот у него сейчас хватает и без бородатых, давно заброшенных в старый колодец обид.

– Знаешь, а ты изменилась, – честно говоря, он еле удержался, чтобы не взять ее руку в свою. По привычке, о которой, как он думал, давно уже позабыл. Она этого, впрочем, не заметила.

– А ты, никак, ожидал, что как только вернешься в Киев, на шею тебе тут же кинется та молоденькая девчонка?

Ждана хотела сказать еще что-то резкое и наверняка донельзя обидное. Это было видно по ее лицу. Но вместо того лишь глубоко вздохнула.

– Не знаю, как долго твои люди смогут водить за нос моих гридней, – Тверд отметил про себя это «моих». Не – «его», – но рано или поздно кто-то захочет проведать мои покои. Так что давай разберемся с этим быстрее. Что там было?

Тверд рассказал о покушении быстро и кратко. Как перед сражением.

– Никто не собирается обвинять боярина Полоза на судилище. Мы просто удумали проверить всех, кто мог бы пойти на такое. Один из тех, у кого хоть какой-то повод, но был – твой муж. Нам, кстати, забыл сказать, с утра купец один дал от ворот поворот. Нанялись к нему,

ударили по рукам, а на пристани наши руки ему вдруг стали не очень любы. И как только мы вернулись на постоялый двор – стрелок нас там уже поджидал. Может, это совпадение, а быть может, боярин какой припугнул, чтобы ничего не сорвалось, торгового человека.

– Вы уезжали из города, – как слабоумному ребенку принялась толковать хозяйка терема. – За какой надобностью ему тебя в таком случае останавливать?

– Уезжая, могу и вернуться. А со стрелой меж глаз – вряд ли.

– Хорошо, – она махнула рукой так, словно отпускала от себя нерадивого челядина. – Ежели тебе от того станет легче и ты больше не станешь из-за этого лазить в мои окна, я все узнаю. Как ты там говоришь? Самострел? Степная шапка по самые глаза? Хорошо. А теперь – иди. И надеюсь, ты уйдешь так, что потом по Киеву не пойдут разговоры, будто к женке княжьего ближника кто-то по ночам в окна лазит.

Тверд не стал упоминать о Хвате и его не всегда надежном языке.

Ливень уже выплеснул на землю всю свою первоначальную ярь, и теперь по крышам притулившихся в округе построек мирно, лениво барабанил мелкий дождик.

– Добрыня?

Он повернул к ней голову. Что ни говори, а это было приятно. Кроме нее его уже много-много лет никто так не называл.

– Как тебя теперь кличут?

– Тверд.

Он мог бы поклясться, что зеленый лед ее глаз на миг подтопил огонек живого интереса.

– Выходит, – помолчав немного, промолвила она, – что не я одна за эти годы изменилась.

Он неопределенно пожал плечами.

– Выходит, так.

А когда он уже подошел к окну, прикидывая, как же ему теперь нужно исхитриться, чтобы слезть отсюда по отсыревшим и наверняка сделавшимися скользкими бревнам сруба, она окликнула его снова.

– А ты точно только из-за этого татя ко мне пришел?

Врать Тверд не стал.

– Нет.

* * *

Вниз лезть не стал. Шансов сверзиться с такой высоты и на радость местным собакам рассыпать по двору свои кости так было гораздо больше. Поэтому он продолжил карабкаться ввысь. Одолев еще один поверх и изрядно расшатав нарядный конек на сгибе водостока, забрался на самую крышу.

С такой высоты пути отступления просматривались очень здорово. Возвращаться на боярское подворье смысла не имело никакого. Нужно было искать другую дорогу от вражьего порога. И пока наиболее безопасной и верной виделась одна – спуск с противоположной стороны хором Полоза. Правда, сматывание удочек в этом направлении было бы очень хорошо видно с третьей стрельни, воткнутой как раз на самом конце предполагаемого пути к спасению.

Но выхода особого все равно не было, так что хочешь не хочешь, а лезть вниз все ж таки придется.

В хмурое небо по-прежнему бил не сгибаемый никакой непогодой клинок хазарского огня.

Какого только неба Тверд ни повидал. И славянского, и хазарского, и ромейского, и даже болгарского. Сказать о высокой лазурной громаде над головой мог лишь одно – везде оно одинаково. Так какого ж лешего во всех странах разные народы населяют его исключительно своими высшими вершителями судеб? Византийцы поклоняются Казненному, норды – Одно-

глазому, хазары – Чистому, а у русов заоблачные выси населяют свои боги. Как будто кто-то нарочно выдумал мир, в котором каждый из народов считал соседнее племя чужим и ни в коем случае из-за всех этих божественных разногласий не захотел бы сблизиться с ним. Или хотя бы принять равным себе.

Он уже собирался перемахивать через последнюю препону, как сбоку, со стороны стрельни, мелькнул трепещущий сполох света.

– Ты кто?

Их было двое. Один держал перед собой факел, а второй за его спиной спешно накладывал стрелу на выхваченный из тулы лук. Оба в кожаном доспехе с нашитыми железными бляхами и кожаных же шлемах с коваными, закрывающими нос стрелками.

– Ты кто таков, я спрашиваю?

Стрелка шлема здорово спасла нос воя, а плотно нашитые на доспехе бляхи – живот, когда Тверд наддал по нему ногой, опрокидывая обоих обратно в дверь стрельни. С грохотом, криком и треском они ввалились внутрь и, судя по звуку, покатались вниз по находящейся внутри лестнице.

Ждать, покуда они снова захотят спросить его имя, Тверд не стал. Подобрал шлепнувшийся под ноги факел, он перебросил его через частокол на улицу, сиганув за ним следом.

Задумка с факелом оказалась не лишней. Бегущие от погони тати, как правило, не любят привлекать к себе лишнее внимание и освещать себя для пушей наглядности. И поэтому, когда он выскочил с лучиной в руке из-за угла тына и почти нос к носу столкнулся с четверкой доброосброенных дружинников, его не уложили носом в землю.

– Что, паря, все еще не поймали? – хохотнул по виду самый старший из воинов. Судя по всему, переполох с погоней за татями их уже волновал не особо. Да и его, благодаря факелу, они, видать, приняли за одного из увальней Полоза. Таковых тут в последнее время пробежало, должно быть, преизрядно.

– Что толку его ловить? – хмыкнул другой дружинник. – Боярыня, поди, подыскивает уже мужичонку, который станет отцом наследнику Полоза.

Судя по всему, о беде боярина знал далеко не один Хват.

– А ты что это один бегаешь? – не к месту решил проявить бдительность третий гридень.

– Да пока факел мастерил, все куда-то убёгли, – постарался скорчить не то виноватую, не то недовольную рожу Тверд. – Теперь вот и не знаю, куда идтить.

– Ну, так из ваших, похоже, никто этого не знает, – снова заржал старшой. С такой бесшабашностью вообще трудно было понять, как он умудрился стать десятником. – Может, тебе еще один факел дать? Ну, чтобы лучше понимать, куда нестись. А то под хазарским-то фитильком вообще ничего ж не видать.

Насмешки насмешками, но только сейчас Тверд сообразил, что не случайно так хорошо видит всех четырех дружинников. Хотя лучина в руке была только у него. Хазарская башня. Он выскочил аккурат к посольству, вокруг которого несли стражу княжьи гридни. И если он успел отлично всех их рассмотреть, то и они его наверняка тоже.

– Ладно, пойду я, – запоздало заторопившись, подался он мимо воинов. В первый миг ждал, что его окриknут, зададут еще пару-тройку вопросов. Для очистки совести хотя бы. Но гридням, похоже, до забот Полоза и ночной беготни его дворни не было никакого дела. Оно и к лучшему. Так, может, они его и не запомнят. Подумаешь, один из боярских сторожей пробежал. Мало их тут носилось, что ли?

– Слышь, Репа, а и правда, – услышал он за спиной голос одного из княжьих людей, – почему этот хазарский фитиль не тухнет никогда? Ни мороз ему, ни дождь...

– Ну, так божье пламя все ж таки, – деловито заметил другой.

– Я те сейчас хлыстом поперек рожи ожгу, будет тебе божье пламя, – судя по очень недовольному тону, десятник умел, оказывается, впадать в настроение, далекое от легкомыслен-

ного. – Обычный огонь. Просто они его подпитывают все время чем-то. Этот вон возит постоянно, советник их главный. Как там, пес, его имя-то... Илдуган! Намедни опять уехал. Подвод с собой попер – пропасть. С бочками. Хрен его знает, где он их наполняет.

– А может, он с полными куда подался, – уже почти добравшись до спасительной тени, вновь услышал Тверд голос того дружинника, который едва не признал в нем искомого татя.

– Да уж, конечно, – недовольно огрызнулся десятник. – Вот все тут в стольном граде дураки, один ты, Сова, умный. Пустые они были, бочки-то. Я тоже по первости постоянно в каждую заглядывал, когда они их вывозили, а потом рукой махнул. За годы ничего интересного в них так и не появилось.

– А ежели в этот раз – было?

– Ну так, конешное дело, я проверил некоторые.

– С краю? – не унимался Сова. – А ежели в середине были те...

– Пробежись-ка, Сова, вокруг посольства, – тоном, не менее хмурым, чем нависшее над ними небо, процедил старший дружинник. – Коль тебе татьба кругом мерещится, так вот иди – и проверь.

Испугавшись, что дотошный Сова захочет податься в ту же сторону, куда пошел он сам, Тверд припустил быстрее.

В оговоренном месте не нашел ни Тумана, ни лошадей. Хвата, понятное дело, видно тоже не было.

Не нашлись соратники и на постоялом дворе. Когда не явились до рассвета, в душе Тверда заворочались нехорошие предчувствия.

Окрепли они тогда, когда утром по его душу прибыл десяток оружных латников. Из личной сторожи князя.

Глава 3

Милость Светлого

То, что казнить его – пока – не будут, он понял, как только их процессия поднялась через широкий бревенчатый мост на княжий бугор. От города его отделял ров, который питали воды Днепра. Самая широкая стрельня нависала над солидного размаха воротами. Тяжеленные створки стояли распахнутыми, а перед въездом в детинец бдил десяток дружинников. После ночного ливня воздух сочился влажной жарой, но никто из воинов и не подумал приослабить ремешки и застёжки на латах.

Широкий, мощный камнем передний двор, если не считать обычной для этого места суетливой беготни челяди, был пуст.

Суда то есть никакого не состоится.

Что тоже имело две причины: либо бросят в поруб до объявления оно́го суда, либо кто-то из очень высоких людей возжелал увидеть скромную персону вернувшегося из Царьграда опального десятника. О душегубстве речь могла идти вряд ли – стоило ли тогда его тащить аж в княжий терем через весь город, вместо того чтобы потихоньку закопать в какой-нибудь придорожной канаве?

Поехали в воинский конец детинца. Там, где тянулись кузни, арсеналы, казармы да клетки, в которых никто не жил и попасть в которые никто бы, собственно, по своей воле и не захотел. Именно перед одной такой приземистой постройкой его караульные и спешились.

Дверь не скрипнула. Но, похоже, она была единственным предметом под этой крышей, за которым хоть как-то следили. Бычий пузырь на узенькой бойнице окошка, грязный пол да раскиданные по нему охапки соломы – все убранство напоминало скорее поруб, чем горницу. Впрочем, поруб, судя по торчащему из пола в дальнем углу кольцу, тут тоже имелся.

Он сразу отметил про себя, что никто его бить и вязать, несмотря на угрюмость всех лиц, втиснутых в не менее угрюмые покои, не стал.

Может, не только суда не будет, а вообще все обойдется?..

Хотя, насколько ему подсказывала память, не бывало еще такого случая, чтобы человека схватили и притащили в такое вот место для того, чтобы после с почестями и здравницами унести на паланкине обратно.

Все его вопросы мигом отпали, как только за спиной грянула о стену настежь распахнутая дверь:

– Ну что, тать, попался, стало быть?

Дружинники, ставшие по периметру стен, склонили головы. Но такое позволялось только им, дабы чрезмерное проявление почтения не помешало несению службы. Вои попросте да поплоче свое подобо́страстие перед человеком с этим голосом должны были проявлять в куда более коленопреклоненной форме. В прямом смысле.

Осторожно, чтобы чересчур усердное рвение не стало выглядеть в глазах дружинников попыткой к чему бы то ни было нежелательному, Тверд опустил на одно колено. Голову склонить тоже не поленился.

– Вы посмотрите, какой смиренный отрок предстал пред нами в это доброе утро.

Князь Великий киевский князь собственной персоной.

У него вообще-то хватало бояр, ближников, тысяцких и прочих приказчиков, чтобы разбираться с такими мелкими делами и несущественными людишками, к каковым вполне справедливо приписывал себя и Тверд.

Стало быть, долга память самодержца.

– Встань. Люблю, когда в глаза смотрят.

Тверд молча повиновался.

С тех пор как он видел его в последний раз, князь изменился. Задорный молодецкий блеск в глазах без следа растворился в серой стали. Лоб меж насупленными бровями пересекла морщина. В плечах государь заметно раздался, а длинные волосы с редкими проблесками слишком уж ранней седины без особого успеха прикрывали глубокий шрам с левой стороны шеи. Припорошило и бороду вокруг упрямо стиснутой полоски рта. Одет князь был в простую белую рубаху да грубые нордские полосатые штаны.

– Изменился, – словно читая его мысли, проронил князь.

И хотя Тверд готов был сказать то же самое, он промолчал. Хотя бы потому, что заговаривать со Светлым можно тогда лишь, когда он сам тебе это позволит.

– И вызов экий волчий, поди ж ты, в глазах появился. Я слышал, первых ромеев волчица вскормила. Теперь, видать, всякий, кто с ними поживет, по-ихнему выть начинает?

Князь оценивающе оглядел фигуру Тверда. Словно коня на торгу осматривал, да тот ему не особо нравился.

– Вот скажи мне, десятник, что мне обо всем этом думать?

Раз уж повеление разомкнуть уста дано, стало быть, можно и начать говорить.

– Не могу знать, о чем именно, княже.

Князь поощрил его волчьей улыбкой.

– Ну, так уж и не знаешь. Добро же, я тебе скажу, коль ты чего запомнил. После семи лет в стольный град возвращается из Царьграда некий бывший десятник князей дружины. Ну, потянуло его в родные места. С кем не бывает? Не обязательно же считать его при этом ромейским поглядом? Пусть даже и имеет он зуб на князя. Между нами-то говоря, кто ж не имеет?

Тверд искоса взглянул на недвижимые статуи дружинников. По этим изваяниям никак нельзя было сказать, что они к самодержцу имеют хоть половину претензии.

– Но почти сразу после того, как этот десятник явился, он вдруг решил посверкать голым задом на крыше одного купеческого терема. Предположим, что это дом некоего купчины, взявшегося поставлять нам некие сплавы для оружия из каганата вместо той ромейской дряни, от которой мы решили отказаться. Будь он и взаправду лазутчиком, наверное, действовал бы поумнее, поосторожнее и понезаметнее. Но если не лазутчик, хрена тогда вообще туда поперся? Не успел я как следует обдумать эту мысль – уж извини, и других дел у меня хватает – как с утра новая весть: наш беспокойный ромейский гость вдруг решил навестить моего ближника и своего старого знакомого.

Тверд, конечно, оценил «ромейского гостя». То, что своим его здесь давненько не считали, откровением, конечно, не стало, но чтобы до такой степени...

– Молчишь? А я тебе объясню, – Светлый вплотную подошел к Тверду, и тот мигом ощутил, как подались вперед стоявшие за его спиной дружинники и как невольно напряглись те, кто стоял у стен. – Из тебя такой же лазутчик, как из собачьего хвоста труба. Может, ромей и проклятое семя, но уж точно не настолько дурное, чтобы засылать к нам таких позорных кур. Что, десятник, мести захотелось? Обида детская до сих пор свербит? Волчьих нравов за морем набрался, а умишком так и не разжился? Уплыл твой струг. Нет его больше. И бабы твоей нет. Зато есть мужняя жена киевского боярина, и позорить его честь я, рви тебя надвое, не позволю!

– Чай, ближник – не ребенок малый, – едва буря княжьего гнева слегка улеглась, не преминул вставить Тверд. Хотя в его случае разрывание надвое вполне могло оказаться реальной перспективой, а вовсе не крепким княжеским словом. – Если боярин Полоз слово ко мне имеет, так пусть он и говорит. Неча хорониться за княжьим корзном. Или, может, божьего суда за поклев он опасается, ближник-то?

Первый удар тараном пробил его живот. В глазах на миг потемнело, дыхание перехватило, а резко скрутившая кишки боль едва не заставила желудок вывернуться наизнанку. Вто-

рой, прилетевший также сзади, но только с другой стороны, пришелся ниже бедер и заставил грузно бухнуться на колени.

– Не забывай, с кем говоришь, – прошипел недовольный голос дружинника прямо в ухо. Тверд молча кивнул. Пожалуй, он и правду забылся.

– Какой, к псу, божий суд? – князь продолжил говорить так, будто ничего не произошло. – Меж кем? Между киевским боярином и безродным бродягой? Да если он прикажет по-тихому ткнуть тебе нож меж ребер, я сделаю вид, будто ничего не случилось. Знаешь, почему ты до сих пор еще жив? Потому что я так захотел! Ты однажды спас мою жизнь, я сего не забыл, и только благодаря этому ты еще топчешь землю, а не отправился за Большой Камень, в Ирий. Больше тащить тебя с плахи не стану, больно много чести. Ступай, и больше никогда сюда не возвращайся. Сюда – это я имею в виду в Киев. Сроку тебе – до вечера. Не уберешься, выдам тебя Полозу. И этих твоих витязей – тоже, – князь обернулся и кивнул одному из дружинников. Тот мигом подорвался с места, дернул кольцо, открывающее темный зев поруба и нырнул во влажный смрад узилища. После короткой возни еще один княжий гридень помог выудить оттуда по очереди два изрядно помятых тела. В крови, ссадинах, синяках, разорванных рубахах, но – живых.

Тумана и Хвата.

– И если бы взяли этих двух упырей не мои люди, случившиеся поблизости у хазарского посольства, а гридни Полоза, к утру их на лоскуты бы уже порезали. А потом – и тебя.

Еще раз глянув на жалкое свое воинство, Тверд смог хрипло выдать из себя:

– Спасибо, Великий князь.

– Много для тебя чести – быть мне благодарным.

* * *

– Это хорошо еще, что не в полном доспехе подались на дело, – хорошенько отфыркавшись, бодро заметил Хват. Мокрый его чуб выглядел присосавшейся к макушке пиявкой, с усов струйками стекала вода на голую, в рывинах заросших шрамов грудь. – А то забрали бы все, к такой-то бабушке, и слоняйся тогда с голым задом.

– А без лошадей, по-твоему, приятнее двигаться, чем с голым задом? – тут же огрызнулся Туман.

– Ну, знаешь, это не ко мне вопрос. Кто из нас с лошадьми был оставлен, того и надо спрашивать.

Книгочей недобро прищурился, но все-таки промолчал. Высоко закатав штаны, он стоял по колено в воде и соскребал с себя засохшую кровь и грязь. Хват пошел дальше. В прямом смысле. В чем мать родила он плескался в Днепре, то ныряя с головой, то со всем возможным тщанием принимаясь шоркаться да намываться. Ему, как вскользь отметил про себя Тверд, досталось поболее. Хотя удивляться особо нечему – дать себя скрутить по доброй воле не позволит ни один варяг. Потому объяснить появление на хватовом теле всего этого буйства кровоподтеков, ссадин, порезов и прочих неприятностей можно было не задумываясь. Оставалось лишь удивляться, насколько терпеливыми оказались дружинники. На их месте Тверд бешеную собаку, в которую умел превращаться в гуще сечи Хват, лучше бы прирезал.

В слободу они подались сразу, как только вышли из кремля. Утро выдалось светлое, да еще и после ночного дождя духняное. Но за прозрачной чистотой воздуха неудачу не спрячешь. Поэтому брели понурые, не особо друг на друга глядя и даже не думая ни о чем заводить разговоры. Поначалу угрюмую троицу обходили стороной, чураясь разбойничьего вида оборвышей, неведь как забредших в боярский конец, но по мере того, как терема богатеев оставались все дальше за спиной, внимания на них обращали все меньше и меньше. А в слободе они уже и вовсе смешались с суетливо копошащейся массой простого люда. Ну, засиделись

мужички в кабаке до петухов, с кем не бывает? Подрались, конешное дело, какая ж пьянка без этого? Сколько таких рож вокруг каждый день бродит, с утра мается?

Хват, в очередной раз мелькнув пятками, с шумом и веером брызг, нырнул. Ленивым взглядом проводив чубатого водяного под воду и не рассчитывая в скором времени снова увидеть его башку над мерно бредущими вдаль волнами, Тверд перевел взор на Тумана.

– Оно хоть того стоило? – грамотей, будто и не ожидая услышать ответа на этот вопрос, развернулся и побрел к берегу. Сняв с дерева свою рубаху, придиричиво ее осмотрел, нашел более-менее чистый островок ткани и принялся тереть им лицо.

– Стоило, – проронил Тверд. И переведя взгляд на уставившегося на него не без потаенного интереса парня, грустно улыбнулся. – Хотя бы для того, чтобы понять – в Киеве нам и впрямь делать нечего. А лошади, хрен с ними. Может, веслами пойдем, вверх по реке. Так что прав пронира – при броне остались, и то добре.

С фырканием и шумом перевернувшегося кнорра из воды в трех-четырех саженьях перед ними вынырнул Хват.

– Чего там кто сказал? – тут же поинтересовался он. – Кто там насчет чего прав?

– Да один малый, который предложил нам поработать в купеческой гильдии, думаю, прав был. Чего бы и впрямь не наняться туда?

Шутка вышла, конечно, так себе. Всем известно, что нужных ей людей гильдия находит сама и берет их, не интересуясь, что думает об этом хоть бы и сам Светлый. Могла, собственно, по закону призвать на службу и самого князя, и тому выход оставался в таком случае один – собирать узелок.

– И что это за малый? – стрельнули вверх брови Хвата.

Тверд глянул на Тумана. Тот, похоже, понимал, о чем тут речь, еще меньше.

– Ко мне в нашем постоялом дворе парнишка подошел, кухаренок местный, – понимая, что упустил что-то действительно важное, но при этом продолжая смотреть со всем возможным подозрением на Хвата, принялся объясняться Тверд. – И сказал при всем честном народе, который по той поре в корчме случился, будто меня купец из гильдии за какой-то надобностью ищет.

Ширина глаз Хвата сейчас вполне могла поспорить с лошадиной.

– Че-го?

– Я думал, – переведя немного растерянный взгляд с одного соратника на другого, продолжал кентарх, – что это ты, Хват, подослал его. Ну, специально, на публику чтобы сработать...

– Твою же ж медь, – простонал варяг, раненым лосем устремляясь к берегу, где в беспорядке раскидана была его одежда. – Да чем же я так богов прогневил, что они меня вами наказали?

* * *

Едва они переступили порог постоялого двора, Хвата как ветром сдуло. Все предложения о помощи он отмел не солидно скорченной рожей и гадливым взмахом руки – без сопливых, де, скользко. С другой стороны, он тут действительно свел знакомство с каждой крысой. Кому же, как не ему, еще искать того самого поваренка? В свою комнату поднялись вдвоем с Туманом. В толстой входной двери напротив окна так и торчала короткая арбалетная стрела. Сквозь закрытые ставни едва сочился свет, в скудных лучах которого кружила пыль, но открывать створки, чтобы запустить внутрь свежее поветрие, ни у кого желания не возникло. Пока Туман доставал из ларей их брони и старательно паковал в объемистые седельные сумы, тащить которые сегодня предстояло не коням, а им самим, Тверд открыл кошель. Кун у них осталось,

конечно, кот заплакал. Ну, да и в их положении любому медяку, который достался в довесок к бесценному дару собственной жизни, будешь радоваться.

В дверь постучали. Крепко и требовательно.

– Я знаю, что вы там, – раздался зычный, не особенно довольный голос человека, явно страдающего одышкой.

– Кому там в рыло не терпится угоститься? – как можно более недовольным тоном осведомился Тверд.

– Меня зовут Путята Радмирыч, и времени у меня очень мало. Насколько мне известно, у вас его тоже не богато. Поэтому с рылом погодим. У меня к вам дело.

Гость оказался человеком высоким, крепким и не особенно привлекательным. Вислые щеки больше всего походили на исполинские мешки под глазами, даже солидного размера борода не могла скрыть, насколько второй его подбородок превышал размеры первого. Богатая одежда, достойные императорской семьи сапоги, изукрашенная перевязь с мечом и взгляд, на все за пару мгновений навесивший цену, выдавали в нем купца.

Порог гость переступил вразвалочку, будто топорщащееся под дорогим кафтаном пузцо тащило за собой все остальное тело. Увидев стоящего за дверью Тумана, он лишь кисло улыбнулся.

– Ждали кого-то другого?

– Иногда кажется, что Киев притягивает к себе всю погань.

Путята хмыкнул.

– Взять для примера хотя бы вас, да?

– Смешно. Но как ты верно заметил, добрый человек, временем мы не особенно богаты, а терпением и того меньше. Выкладывай, чего тебе, пока я снова не вернулся к разговору о чистке твоего рыла.

– Добро, – купец без приглашения уселся на лавку, уперев ладони в колени. Теперь, кроме Тумана, около двери он заметил еще и стрелу – в ней. – Вижу, вы тут не скучно живете. Но я могу предложить кое-что поинтереснее.

– И откуда, любопытно, взялся такой доброхот?

– Из купеческой гильдии, – видно было, насколько купцу нравится любоваться реакцией людей на эту фразу. – Разве парнишка не передал, что я вас искал?

– Купцы нас в последнее время не особо жалуют.

– Это вы сейчас смоленского торговца имеете в виду? – перевел гость насмешливый взор с одного воина на другого. – Не судите слишком уж строго. По чести говоря, уговорить его нарушить данное вам слово мне далось дорого. Причем, кроме увесистого кошель, пришлось наградить его еще и обещанием выгодной сделки с гильдией. Иначе он никак, видите ли, не хотел бросать тень на репутацию. А дело с купеческой гильдией, как вам должно быть известно, любой репутации дает исключительно прибавку.

– Интересно, какую прибавку получим с того мы?

– Кроме достойной платы?

– Само собой.

– Служба у меня оградит вас от княжьей немилости. Вы сами знаете, что это – в силах гильдии. Как? Такая прибавка устроит?

– Смотря что за дело.

– Я привык именно на этой стадии переговоров считать сделку по найму завершенной.

– Ну, так иди, догони своего смоленского друга. Осчастливь еще одним выгодным предложением.

– То есть ты можешь мне, что – отказать? – видно было, насколько глупой кажется гильдийцу даже вероятность этого предположения.

Тверд развел руками, усаживаясь напротив.

– Вот такая я разборчивая девица. Давай, жених, поухаживай за мной посердечнее. Путята скривил недовольную рожу.

– В таком случае можно нам хотя бы обсудить все с глазу на глаз? Мне без надобности, чтобы о деле знала куча народу.

Тверд кивком дал понять книжечю, чтобы тот вышел. Туман не стал особо упираться. Разве что на выходе вытащил-таки из двери стрелу. И впрямь уже начинала мозолить глаза.

Когда дверь за ним закрылась, Путята еще какое-то время попялился на Тверда взглядом покупателя на невольничьем рынке, хмыкнул, подошел к двери, послушал, а затем и вовсе выглянул наружу.

– Так вот, – продолжил, наконец, «ухаживания» купец, усевшись на прежнее место. – Жду вас на пристани до света. Чем меньше глаз, тем лучше. Идем веслами вверх по Днепру до Смоленска, оттуда – конным ходом. В Полоцк.

– А что не так с Полоцком? Ты, никак, восхотел втравить нас в какое-то неприятное дело с внутренними гильдийскими распрями? Вот уж, знаешь, уволь. Мне княжьей опалы хватает. Не хватало еще Палату во враги записать.

– Никаких распрей. И я действую не как голова киевского Двора гильдии, а от имени всей гильдии.

– То есть Палата о нашей поездке знает?

– Она меня туда и направила.

– Она не в Новгороде разве находится, главная ваша Палата? Сдается мне, оттуда сподручнее было бы самим до Полоцка добраться, чем киевлян просить.

– Меня никто и не просил, – почти торжественным тоном известил Путята. – Не знаю, как принято в ромейском легионе, а у нас тут приказы не обсуждают. А это был именно приказ.

– Это ж сколько надо было гонцу ехать в Киев, чтобы его довести? Если уж господам новгородцам до такой степени неохота зад свой поднимать, могли бы тогда уж хотя бы смолянам приказать. Чтобы те приказы не обсуждали.

– Приказ доставил не гонец, – выдал гость без особой охоты. – У Новгородской Палаты есть средства, которые связь делают более... быстрой. Но это отношения к делу не имеет.

– А что имеет? Я почему-то мыслю, что только сопровождением дело не ограничится. Для этого можно было и своей сторожей обойтись.

Было видно, что ничего рассказывать сверх того, что уже было оговорено, гильдиец не собирался. Он жевал ус, мялся, зыркал недобро из-под насупленных бровей и даже пару раз вроде как собирался подхватиться с лавки, чтобы, видать, выйти вон. Но в итоге, вдосталь наборовшись сам с собой, сдался.

– В Полоцке сгорел весь Двор гильдии, – Путята, наконец, выбросил кости на стол. – Дотла. Ничего не осталось. Пока до Киева это не дошло, но очень скоро князь узнает и наверняка взбеленится. Стоять на страже интересов гильдии – первая из его обязанностей, если ты не знал. А нам пока не надо, чтобы он на эту стражу заступал. По крайней мере, еще несколько дней. Пока мы сами тихонько не проведем свое расследование, поймем, что там приключилось. Потому что если за дело возьмется князь, тогда-то и полетят головы направо и налево без разбору.

– И с чего ты так решил?

– Кто княжит в Полоцке? Аллсвальд. Нордский конунг. Право на стол своим мечом заработал его покойный батюшка, верой и правдой служивший родителю нашего князя. А молодому Светлому, – Тверд невольно хмыкнул, вспомнив седину в волосах и бороде этого «младого» Светлого князя, – это нурманское княжество, обретающееся вроде как и под его рукой, но имеющее куда больше воли, чем остальные, не особенно по сердцу. Полоцкого конунга он давно хочет сбросить. Палата всегда старалась не допустить внутренней усобицы, и углы меж Светлым и Аллсвальдом старательно многие годы сглаживала. И тут, будто смеху ради, вдруг

вышло так, что именно она и может стать меж русскими князьями яблоком раздора. И пока мы еще можем играть на опережение, терять время нельзя. Поэтому спрашиваю тебя в последний раз. Ты – со мной?

Тверду вдруг не к месту вспомнились последние слова, презрительно оброненные князем: «Много для тебя чести – быть мне благодарным». Что ж, княже, видать, богов не обманешь. Раз для меня в этом много чести, значит, настал твой черед быть благодарным.

– Да, – уперевшись взглядом в глаза Путяты, коротко бросил Тверд. – Раз уж наш поход обещает быть праведным да бескровным, почему нет. Нам, мирным людям, больше ничего и не надо.

Именно в этот момент двери их жилища распахнулись, и в них шукой, выброшенной на берег, а в данном случае, скорее всего, при помощи хорошего пинка, влетел давешний Твердов знакомец – сухощавый поваренок с чернявым пушком на подбородке. Тот самый, который говорил Тверду о том, что с ним ищут встречи гильдийцы. Вслед за ним триумфально ковыряя ногтем в зубах, водвинулся Хват.

– Вот этого мальчика найти надо было? – торжественно спросил варяг. – И что бы вы без меня делали?

* * *

Что он знал совершенно точно – не должна быть на пристани в это время такая давка. Стольный град стольным градом, но задолго до рассвета, когда над городом повис непроницаемый саван темноты, а единственными источниками света были факел в руке идущего впереди Хвата, суетливо снующий меж косматыми тучами месяц, да оставшаяся где-то за спиной хазарская башня, добрые люди почивают, досматривая последние обрывки снов. Причал же, на котором они условились встретиться с Путятой, кишмя кишел людьми. Причем именно он один. И стругов около него покачивалось на волнах куда как больше одного, как было договорено, – в этом-то случае обсчитаться вообще довольно сложно.

Что-то явно пошло не так.

Поначалу мелькнула, конечно, мысль раствориться по-тихому в темных переулках. Но решили все-таки следовать уговору. В конце концов мало ли кто мог пристать к киевскому берегу посреди ночи? Или, например, отчалить от него. Может, сам Путята и организовал сию шумиху, чтобы скрыть в столпотворении свое скромное отплытие.

Это был никакой не купеческий караван. За те годы, что они провели в различных армиях по обе стороны Ромейского моря, научились безошибочно определять погрузку мирных судов от войсковых. В неровном свете множества факелов, закрепленных на столбах пристани и носках стругов, хищно переливались шлемы и кольчуги, вспыхивали наконечники копий, нервно долбили копытами по сходням лошади.

– То ли о твою миролюбивость кто-то очень хорошо вытер ноги, – сузив глаза не хуже Тумана, Хват недоверчиво зыркал по сторонам. – То ли что-то в нашем маленьком да тихоньком дельце пошло не так.

Купец не обманул хотя бы в том, что его ладья нашлась именно в том месте, где и должна была быть – на самой кромке длиннющей пристани. И на ней кто-то явно собачился.

– Может, тебе, купчина, слово Светлого – пустой звук?! – требовательно гремел со струга трубный голос. – Ежели тебе князь не указ, так, может, скажешь тогда, чьи это ты интересы столь спешно хочешь соблюсти?!

– Ты, боярин, знаешь, чьи интересы я блюду, – слышался знакомый, с нездоровым придыханием говор Путяты. – И не менее прекрасно знаешь, что велеть повиноваться князь мне не может. Если уж на то пошло, я могу именем гильдии приказать вам развернуться и убраться отсюда.

– Да что ты? – насмешливый тон нежданного гостя говорил лишь о том, что не зря Путята хотел покинуть город так срочно да тихо. – Что ж, валяй. Я погляжу, как справно княжьи люди начнут выполнять твои приказы. Али мечом нас заставишь уйти?

– Или уплыть. Говорят, если даже всадить топор в башку по самый черенок, тело все равно не пойдет ко дну. Всегда хотел это проверить.

Хват обладал редким умением находить нужные и подходящие слова. Особенно, если дело касалось самоубийства. Даже Путята, который внезапному появлению на пристани княжьей дружины рад был не больше, чем рекомому топору в собственной голове, такое заступничество оценил не особенно высоко.

Знатный муж, которому Хват пообещал помочь уплыть отсюда, даже не сразу обернулся. Видать, до последнего не мог поверить, будто кто-то может ляпнуть ему такое. При доброй сотне его оружных латников. А когда он все же медленно оборотил пунцовое от нахлынувшей крови лицо в сторону обидчика, не по себе стало уже Тверду.

– Эти висельники что еще тут делают? – голос боярина Полоза срывался и исходил злобой. Сухопарый, со впалыми щеками и короткой, с проседью, бородой, глубоко посаженными черными глазами, он возвышался на целую голову надо всеми, кто находился сейчас на струге.

За таким Ждана и впрямь что за крепостной стеной, невольно подумал Тверд.

– Мы люди, нанятые для охраны купеческой гильдией, – как это ни было сложно, Тверд прямо и хладнокровно смотрел в глаза человека, потоптавшегося по его жизни. – Если государеву мужу не понравились слова моего человека, нижайше прошу его простить. Просто он не знал, как точнее описать неминуемый итог спора, в котором нашему нанимателю при нас пытаются угрожать.

– Ты что, пес, грозить мне вздумал?! – медведем взревел боярин, бросаясь на Тверда.

Взвизгнули вырванные из ножен клинки, в неровном свете факелов угрожающе блеснули лезвия топоров, которые у Хвата в мгновение ока словно выросли из обеих рук. Туман хмуро натянул тетиву лука едва не до другого плеча, выцеливая бросившихся на выручку боярину киевских латников. Путята растерянно шарил рукой по поясу, где у него болтался клинок. Вряд ли купец дожил бы до его лет, если бы и впрямь в каждом из случаев, когда нужно срочно хвататься за оружие, вел себя так растерянно. Мгновенно оценив крайне невыгодную для них диспозицию, Тверд шагнул навстречу Полозу.

Клинок, который должен был перерубить ему грудь, круша ребра и выворачивая внутренности, ушел мимо, звякнув по касательной о меч Тверда. Следующим движением беглый кентарх метнулся за спину мужа Жданы, а вырванный из ножен за спиной узкий клык его ножа плавно и с удовольствием коснулся шеи высокого гостя.

– Ты, боярин, как думаешь, обрадуется Светлый, узнав, что его ближник вместо того, чтобы охранять важное посольство гильдии, вдруг сам решил на него напасть?

– Тебе не жить, смерд, – прохрипел Полоз, будто и не слыша вопроса. Шевелиться, впрочем, он не пробовал.

– Эти люди – моя сторожа, – наконец-то обрел дар речи Путята. – И если кто-то угрожает моему обозу или пытается нарушить ход доверенной мне миссии, эти вои немедля обязаны принять меры. Любые. Ежели сей же миг ты, боярин, не покинешь мою ладью, я вынужден буду приказать своим людям действовать по ситуации. А ситуация эта, как ты мог заметить, подразумевает нож у твоего горла.

Дождавшись, когда смысл сказанного дойдет, наконец, до исходящего лютой злобой боярина, гильдиец продолжил:

– Ну, так что, будем дожидаться утра, когда сюда прибудет князь и устроит суд по поводу убийства своего ближника, или все-таки прислушаемся к здравому смыслу?

Судя по волчей улыбке Хвата, ни к каким «сраным смыслам» он прислушиваться не соби-
рался. По физиономии Тумана понять можно было только то, что он готов выпустить стрелу
в любого человека, сделавшего неосторожный шаг.

Лишь почувствовав, что боярин больше не напряжен, как тетива Туманова лука, Тверд
слегка приспустил хватку. А затем и вовсе отпустил Полоза.

– То, что ты нанял на службу этих татей, коих князь сам, лично выдворил из стольного
града, тебе еще припомнится, – прошипел, наконец, ближник. – А вам, – он исподлобья зырк-
нул в глаза Тверда, – вам попросту не жить. Как только гильдия сочтет вашу службу выпол-
ненной, можете не сомневаться: потратить заработанное не успеете.

Развернувшись в сторону сходней, он миновал расступившихся перед ним Тумана с Хва-
том, махнул своим людям, чтобы продолжали погрузку, и, сойдя уже на пристань, обернулся
к Путяте еще раз.

– Княжий конвой идет с вами. И плевать мне на то, что об этом подумает гильдия.

Лишь когда фигура боярина растворилась в предрассветных сумерках, затерявшись в
мельтешении снующих по причалу людей, Тверд разжал стискивающую рукоять кинжала
ладонь.

– А что, купец, завтракать-то мы прямо сейчас будем или когда солнце встанет? – с непод-
дельно живым интересом поинтересовался Хват.

Глава 4

Рьяный огонь, черные латы

Полоцк походил скорее на крепость, чем на город. Неприветливые стены детинца воинственно нависали над высоким берегом реки, а от них вниз по склону сбегали угрюмые улочки слободы. В отличие от Киева или даже Смоленска, здесь не было мощенных деревом тротуаров, и на большак вела хоть и широкая, но всего лишь накатанная возами колея.

Словом, ничего необычного.

Кроме одного.

Даже Тверда, повидавшего на своем веку пожаров войны, это кострище заставило поежиться. Полоцкий двор гильдии располагался на окраине города, вплотную примыкая к речной пристани. Терем головы, по которому сейчас невозможно было определить, на сколько поверхов он высился над землей, жилые срубы обитавших здесь купеческих людей и клетки дворни, хозяйские постройки, склады, амбары и мастерские – все рассыпалось прахом в прямом смысле слова. Мрачные черные огрызки, гнилыми пеньками зубов торчащие в том месте, где раньше вдавался в реку длинный причал, липко облизывали волны. О том, что вдоль него некогда были пришвартованы корабли, можно было догадаться разве что по обугленным остаткам досок и бревен, прибитым течением к берегу. Лесины высокого тына, отгораживающего подворье гильдии, обуглены и растерзаны так, словно на них выплеснулась струя огня. Даже сама земля изрыта и изъедена немыслимым жаром, оставившим на ней многочисленные шрамы трещин и не позволившим уцелеть в ужасающем кипящем котле ни единой травинке.

– Это то, ради чего мы сюда перли? – первым, как повелось, голос подал Хват. – И что мы тут еще можем увидеть, кроме того, что смогли разглядеть да откопать местные? А я сомневаюсь, что они смогли разгрести хоть что-то.

По пепелищу, если можно так назвать черное кострище, оставленное чудовищным огненным вихрем, они бродили чуть не полдня. То спускались к воде, то принимались осматривать частокол, то пытались растащить остатки спаянных будто в исполинском, добела разогретом кузнечном горне испепеленных строений. Все без толку. Найти тут хоть что-то было невозможно.

Первым до этого додумался Полоз. Еще утром он рвался сюда не хуже солнца, спешащего растопить поутру ночной кошмар. Но едва вышли за пределы наместникова детинца, интерес к доблестному отстаиванию интересов гильдии в нем поутих. А после того как увидел, в какую головню обратилась богатейшая в городе усадьба, сумел удивить: вдруг оказалось, что у него в Полоцке имеется и куча других дел. Ничуть не меньше отыскалось их и у Хвата, стоило только Путяте обмолвиться о том, что никакого серебра, даже очень сильно расплавленного, найти здесь не удастся – свои куны гильдия хранит не в одном месте, а в займовых грамотах.

– Чего? – большего презрения варяг не выказывал даже грамотам Тумана, когда выяснилось, что пользоваться по старинке лопухами гораздо сподручнее. – Бумажки вместо денег? Неудивительно что здесь все полыхнуло таким синим пламенем. Вон, грамотей знает, как здорово занимается береста.

Туман поднимался к ним с берега реки, выудив в воде какую-то черную головню и осматривая ее с таким видом, будто собирался сделать из нее новое цевье для лука. Едва не споткнувшись об обугленное нагромождение камней, бывшее некогда основанием печи в кузне, он протянул находку Путяте. Но тот, мельком взглянув на измазанные сажей руки Тумана, свои тут же спрятал за спину.

– Вряд ли этот пожар был случайным, – не обратив ни малейшего внимания на брезгливость купца, принялся вертеть в руках находку книгочей. – Ощущение такое, что полыхнуло

все и разом. Включая пристань и корабли. Так не бывает. Обычно занимается какое-то одно здание, а на остальные огонь перекидывается после, если не удастся его унять.

– Не успели, – тягучий, как смола, голос раздался сзади. Обернувшись, они увидели перед собой кряжистого воина, о котором вовсе нельзя было сказать, что лучшие его битвы – дело далекого прошлого. Расплющенный в одной из битв нос, выпяченная так далеко вперед челюсть, что нижняя губа покрывала верхнюю, а когда он говорил, рот щерился провалом на месте передних зубов. Словом, обычная разбойничья харя. Но широкий медный обруч с самоцветами, охватывающий голову, и золотая гривна на шее сразу дали исчерпывающее представление о том, кто почтил их на пожарище своим присутствием. – Здесь все сгорело так ярко и скоро, что от бедолаг, оказавшихся в этом жерле вулкана, почти ничего не удалось найти.

– Конунг Аллсвальд, – смиренно склонил голову Путята. Беглым гвардейцам базилевса и вовсе полагалось переломиться надвое. Благо наместник был не в том настроении, чтобы упиваться знаками должного почитания. Он отмахнулся, давая понять, что дворцовые манеры здесь не к месту. Впрочем, за спиной его высились три хмурых норда. В грубых плащах, серых кольчугах, плетенных крупными кольцами, с короткими мечами да воткнутыми за пояс узкоклювыми топориками. Под конусовидными нурманнскими шлемами с прорезями для глаз торчали ухоженные светлые бороды и заплетенные в косы усы. Ярлы, которые при случае о сих манерах непрошеным гостям должны были напомнить.

– Я согласен с тем, что костер этот вовсе не от случайно оброненной лучины разгорелся, – продолжил конунг, как только воинственная его свита по взмаху руки хмуру удалилась. – Готовились к этому, видимо, не один день. Все это мы выяснили сами, и вовсе не обязательно было присылать сюда посольство гильдии. Не говоря уже о киевском воинстве.

– Быть может, и ты, конунг, и князь – оба сверх меры подогреваете интерес к делу, которое на самом деле имеет отношение лишь к купеческой гильдии? – исхитрился вставить свое слово Путята.

Тверд без особого удовольствия отметил, что рука конунга после этих слов недвусмысленно сжалась в кулак. Не хватало еще для полного счастья занять во врагах еще и его. Скрестить клинок с наместником, пусть даже для благой цели спасения толстой шкуры своего нанимателя – это могло обернуться самыми кровавыми неприятностями.

– Говоришь, купец, я, полоцкий наместник, не в свое дело нос сунул? Не угадал. При Дворе гильдии работала долбаная прорва люду. Жителей моего города. И семьи их – старики, жены, дети – тоже в моем городе жили-были. Так вот их всех, всех до одного, до самого маленького сопляка в ту самую проклятую ночь, когда полоцкое зарево видно было, должно быть, даже в Новгороде... всех... ВСЕХ!.. вырезали.

Тверд мигом забыл обо всех своих воинственных мыслях. Даже Хват, что бывало с ним от силы пару раз в жизни, выглядел растерянным. Пронзительно скрипнула искореженная петля ворот, черная, как и два болтающихся на ней обгорелых деревянных обломка, чудом сохранившихся в огненном пекле. Тяжелый плеск волн, полощущих останки изжаренной пристани, стал почему-то казаться особенно мерзким. Аллсвальд, оторвав наконец руку от пояса с оружием, шумно выдохнул и вдруг опустился на землю. На черную, горелую, в жирных потеках сажи землю.

– Этот огонь ревел так, что я думал – не иначе, сам хазарский бог лично решил посетить мой город и оставить от него только пепел. Его не получалось потушить. Никак. Ничем. Вообще... Я всех людей бросил сюда, тушить. Добро, вода под боком, – кивнул конунг в сторону реки. – Но тогда и вода начала гореть. Люди выпрыгивали с ревущих огнем лодий, попадая в пылающую воду. Да что там! Многие из тех, кто принялись по моему приказу тушить пожар, как лучинки жалкие вспыхивали в один миг. Представляешь, каково это? Только что перед тобой человек стоял, а спустя один вдох он в обугленную головню превратился. И пока мы со всем этим пытались хоть что-то сделать, в это же время по всему городу началась заранее

спланированная резня. Представляешь, сколько оружных татей рыскало по моим улицам той ночью? И ты говоришь – не мое дело? А чье ж тогда? На кой я тогда вообще тут надобен?

– Хорошо, что боярин Полоз здесь задерживаться не стал, – блеклым голосом, словно опасаясь нарушить повисшее над ними тягостное молчание, проговорил Тверд. – Уж он бы за такие слова наверняка зацепился, что репей за волчий зад.

Аллсвальд посмотрел на кентарха снизу вверх так, будто тот чудесным образом обвился перед ним только что прямо из убитой жаром земли.

– Мне нет дела ни до каких бояр. Я сейчас одного лишь хочу – отыскать этих упырей. Уж я-то найду им награду по их делам. Им не будет стыдно уйти из этого мира. И те мечи, что вы притащили за собой в Полоцк, здесь не надобны. Добра никому еще с мечами не приносили, а сделать больше, чем я сделал, все равно не получится. Так что зря старается княжий ближник. Носом рыть землю здесь – с огромным трудом он оторвал от обезображенной немыслимым жаром земли прокопченный кус и с остервенением раздавил его в кулаке, – бесполезно. Да и вы, господа гильдийцы, вряд ли что сможете сыскать. По домам семей сгоревших здесь людей ходить смысла нет. Пусты они, эти дома. Разве что от крови не в каждом еще пол отскоблить успели.

– И все же дозволю, княже, попробовать, – вид у Путяты был такой, словно он не окрика ожидал, оплеухи или увесистой зуботычины за дерзость свою, а как минимум ножа под ребра. Или того самого меча, за который наместник с такой охотой хватался. Но конунг, глянув на него как на залаявшего вдруг кота, лишь махнул рукой. Крякнув, он поднялся на ноги и, не проронив больше ни звука, отправился в сторону пронзительно взвизгивающей под напором прущего с реки ветра петли не успевших сгореть до основания ворот.

* * *

Этот конец города никак нельзя было отнести к цветущим. Покосившиеся серые хатки славян, перемежающиеся с длинными родовыми домами нордов, не навевали мыслей о достатке их владельцев. То тут, то там в хилых тынах зияли проплешины дыр, а одну избенку, на вид заброшенную несколько лет назад, постепенно разрушало проросшее прямо в нее дерево.

– Вы б меня предупредили хотя бы, что у нас намечается поход по таким вонючим местам. Я б лучше в детинце остался: видал у киевлян пару вещичек, за которые можно было бы бросить кости, – даже бесшабашный Хват не особенно наплевательски отнесся к их нахождению в такой дыре.

– Я вам плачу не за то, чтобы вы раздевали княжских людей, – проворчал Путята. Вид у него, впрочем, был такой, будто он и сам не знает, что ищет. Взгляд постоянно блуждал по сторонам, и вряд ли он вообще задумывался о том, что уж купцу-то в таком месте показываться крайне нежелательно.

Что Тверд и решил подчеркнуть:

– Ну, так расскажи, в чем сейчас заключается наша работа. Глядишь, поможем тебе найти то, что пытаешься высмотреть.

– Ваши глазагодились бы гораздо больше, если бы занимались прямой своей обязанностью – выискиванием угрожающей мне опасности.

Некоторое время шли молча. Лошадей вели в поводу так, чтобы те двигались, образуя внешнюю защитную ограду от возможной атаки лучников. Или, например, пращников. Да и умельцы с сулицами могли садануть откуда-нибудь из-за угла. И потому, когда купец вдруг тронул Тверда за плечо, рука сама собой выхватила нож из-за спины, изготовившись отражать опасность. Но ее не было. Путята показывал на приземистую постройку, длинную, но глубоко вросшую в землю. Жилище это принадлежало норду – кто еще сделает свой дом так, чтобы

крышей его служила перевернутая ладья? Изувеченные ее весом и многими прожитыми годами венцы стен ушли в грунт, и со стороны создавалось впечатление, что дом этот из одного перевернутого струга и состоит.

– Мне нужно зайти туда одному, без лишних глаз.

– То, что наши глаза тебе не по нраву, мы уже поняли, – возразил Тверд. – Но если там внутри схрон местных татей, то купец им станет приятным даром к ужину.

Недовольно кивнув, Путята посторонился. Когда Тверд встретился глазами с Туманом, тот скосил взгляд в сторону ската крыши дома. Ясно. То, что заметил купец на этой хибаре, определив ее как нужную, было нацарапано там. Проходя мимо, кентарх мимолетно взглянул на едва заметную руну. Это был грубо сработанный знак, который было странно увидеть здесь. Обычно таким символом на дорожных указателях обозначали капища – 12 столбов, стоящих вкруг и символизирующих главные божества русов. Почему здесь кто-то решил вырезать именно такой знак, было не особенно ясно.

Тверд осторожно толкнул дверь от себя и проскользнул в щель, которую она оставила ему для прохода. Внутри было темно, сыро и неубрано. Будто хозяева здесь не появлялись не один год. Впрочем, рассказ конунга о порешенных семьях гильдийцев вполне это объяснял. Кентарх обошел стоящий у очага стол, поднялся по невысокой лестнице и заглянул на открытый пристрой второго поверха. Кроме пары лавок, ларей, да узких полатей, на которые падали косые лучи света сквозь прореху в крыше, тут ничего интересного и опасного не обнаружилось.

Чем же оказалась так интересна для гильдийца эта развалина? Пожав плечами, он недовольно отправился к двери – объявить своему нанимателю об отсутствии угрозы. Доски пола под его сапогами скрипнули еще пару раз. Поначалу он не обратил на это внимания.

А потом его осенило.

Норды не стелят пол. В их жилищах пол – крепко утоптанная земля. Но ведь этот дом явно принадлежал норду. Так может быть...

Опустившись на колено, Тверд принялся ощупывать и простукивать доски. Не то чтобы он не уважал приказаний своего нанимателя, но жизненный опыт не раз подсовывал ему очень очевидные примеры того, насколько важно охраннику не только оберегать своего хозяина, но и знать его секреты. И дело тут было вовсе не в верности. Нередко такое знание могло спасти жизнь.

Отодвинув в сторону стол, он заметил доску, выглядевшую гораздо менее рассохшейся, чем остальные. Зацепив ножом ее край, дернул – и она туго подалась вверх.

Именно в этот момент в его незащищенный живот прилетел удар таранной силы. Отлетев к стене, Тверд успел подумать о том, что ему еще здорово повезло – ослабивший внимание воин частенько становится жертвой именно такого внезапного нападения врага. Жертвой, как правило, бездыханной. Вот только откуда он тут взялся, этот враг?

Оттолкнувшись от стены, Тверд воздел себя на ноги, одновременно уходя в сторону от очередного выпада. Латная перчатка неведомого супостата была довольно чудной: очень тесно облегла руку и была чернее самой черной византийской ночи. Мгновение спустя Тверд отметил, что и весь неведомый враг был облачен в такую черную и словно обтекающую поджарое тело броню. Даже лица не было видно – на опального десятника пялились угольной чернотой будто бы пустые глазницы на личине шлема. Обычно считалось, что такие железные хари должны быть безобразнее безобразного. В конце концов их прямое предназначение – вселять страх во врага. Но кузнец, сработавший этот шлем, о таком правиле, должно быть, не слышал. Маска была до того ровной да гладкой, а выражение ее – безучастным, что создавалось впечатление, будто война совсем не ее призвание и не то, ради чего ее делали. Темный плащ хитро скрадывал движения нападавшего, а вовсе не путался между руками-ногами, мешая владельцу. Тверд, поначалу списавший на не-опытность нежелание внезапного врага скидывать его, спустя пару умелых движений черномордого понял, насколько сильно ошибся. Попробовать в оди-

ночку одолеть такого противника – дело, конечно, благородное, а для опытного воина так даже и достойное, но какой смысл рисковать жизнью, когда с улицы могут прийти на выручку два соратника?

Но едва черная личина заметила, что ее враг набирает в грудь воздух для крика, тут же выбросила вперед руку, плащ умело скрыл это движение, и не успевший вовремя среагировать на новую опасность мозг Тверда вдруг взорвался ослепительной вспышкой боли. Ноги подкошились, и тело грузным мешком безвольно ухнулось на пол.

Сквозь пляшущие перед взором пятна он увидел, как вражина отодвинул в сторону ту самую доску, которую обнаружил Тверд, и достал из-под пола увесистый, обтянутый тонкой кожей сверток. Само собой, отпускать его с этим подарочком было нельзя.

Тверд вздернул себя на ноги и тут же увернулся от черного кулака. Темное железо звякнуло о наручи. Обратным движением десятник воткнул локоть прямо в пляшущую на него безучастную рожу. Вернее, непременно воткнул бы, прячась за ней любой другой человек. С этим почему-то не прошло. Он вообще дрался как-то чудно. Вот и сейчас, вместо того чтобы уворачиваться от удара, он, наоборот, резко подался навстречу, поднырнул под руку, ухватился за шею Тверда, в один миг напрыгнул на него, провернулся змеей вокруг тулова кентарха, неуловимо освободился от захвата и, зажав его голову ногами, бросился вниз. Сам-то черный кувыркнулся колесом, да тут же взвился на ноги, а Тверд, не привыкший к такому лихачеству, вынужден был то ли удивленно, то ли раздосадованно охнуть, ругнуться и бухнуться с оглушительным грохотом на пол. Залетел он аккурат в дыру, где не так давно еще был тайник. Хлипкие доски с треском подломились под его весом, увлекая на Тверда сверху лавки да стол с подломившейся ножкой. А следом, не успел он как следует подобраться, чтобы выбраться из трухлявой западни, прилетел и тяжелый сапог. Прямиком в нос. Мгновенная острейшая боль, пелена перед глазами, ломота в затылке, брызнувшие сами собой слезы. И потому откуда раздался грохот в следующий миг – от распахнувшейся двери или от треска в собственной башке, точно Тверд утверждать не мог. Но добивать его окончательно черный вертлявый угорь не стал, метнувшись куда-то вбок. Послышался звук свистнувшей стрелы, коротко тренькнуло впившееся в дерево железо.

– Ах ты рожа... – ругнулся Хват.

Пару раз железо звякнуло о железо, затем раздался судорожный вздох и – громкий треск. Еле-еле придя в себя, Тверд обнаружил, что уже не валяется в дыре в полу, а гордо стоит на четвереньках, вздернутый на них, скорее всего, исключительно воинским инстинктом. Мазнув беглым взглядом картину схватки, десятник успел подметить выбитую напроочь дверь и где-то там, на улице пытающегося подняться с ее деревянных обломков очень недовольного варяга. Туман выпустил еще одну стрелу в подобравшегося к нему врага, причем практически в упор. Но неуловимое движение то ли руками, то ли плащом – и стрела жалко цвиркнула по касательной, отлетев куда-то в сторону. Миг – и сокрушительный удар ногой отшвырнул лучника в раззявленный зев двери, кинув прямо на подобравшегося уже на ноги и бросившегося в атаку Хвата. Оба рухнули, отлетев к хлипкому тыну.

На всю эту картину, ни жив ни мертв, ошарашенно пялился бледный Путята. Но скользнувший мимо вор на гильдийца даже бровью не повел, лишь походя пихнув плечом.

– Уйдет! – гаркнул что есть мочи Тверд, подхватываясь в погоню. Черный кинулся влево, как раз туда, где они оставили коней. Голова гудела и кружилась, а чуть не втоптаный в горло нос несносно ломило. Ноги норовили запнуться одна о другую, а качающаяся земля – взлететь прямо к лицу. Потому он даже не понял, кто его сшиб с ног, когда он вырвался с заброшенного двора на улицу – пролетевший мимо конь, причем его собственный, или варяг, бросившийся наперерез и чуть не за шкуру вытащивший пьяно телепающегося Тверда прямо из-под копыт.

– Уйдет! – зубами хватаясь за воздух в попытке снова подняться, просипел Тверд.

– Да хрен ему промеж ушей! – гаркнул Хват, размахиваясь не хуже мельничного колеса и с шумным хэком отправляя вдогонку беглецу метательный топор. Железный звяк, короткое ржание лошади и разочарованный вопль варяга.

– Ушел! Ушел, псина рваная!

– Сверток! – почти одновременно радостно возопил Путята, бросаясь в ту же сторону, куда рванул от погони беглец.

– Да в дупле видал я твои свертки! – не унимался усач. – Этот черноморд меня – меня! – жопой в землю воткнул! Два раза! И ушел!

Варяг принялся осатанело боевым своим топором рубить доски забора, заходясь в крике, неистовстве и забрасывая все пространство вокруг себя щепой да прочими деревянными обломками. Один Туман, похоже, отделался более-менее легко. Он выпустил вслед беглецу еще одну стрелу, хватанул из ножен меч и бросился следом за купцом – на тот случай, если их соперник по поиску тайника восхотел бы вернуться обратно и снять с Путяты голову. Но, судя по удаляющемуся стуку копыт, тот останавливаться не собирался.

Тверд с трудом сел, оперся спиной о тын и провел рукой по лицу. Вяло текущая из ноздрей кровь лениво орошала усы и бороду, капая на броню и стекая под рубаху.

– Охолони, – проскрипел он, пытаясь усмирить варяжью истерию. – Ушел и ушел. В другой раз посчитаешься. Чую, раз идем одной дорогой, встретимся еще. Хуже, что он утащил с собой то, за чем мы сюда пришли.

– Да хрен он упер, – напоследок раздосадованно саданув по остаткам забора еще раз, утихомирился, наконец, варяг. – Это он топор мой упер, что я ему промеж лопаток засадил. А сверток этот ваш у него тут же из-под плаща и выпал. Вон, купчина над ним пляшет, что старик над первенцем. Сдается мне, гильдиец должен рассказать, по каким таким дорогам мы ходим, да с какими такими людьми на них сталкиваемся, что нас вот этак быют без всякого разбора и стеснения.

* * *

В погоню снарядились быстро, не дав Путяте вдосталь наобниматься со своей находкой. Если топор Хвата или стрела Тумана и вправду достали черного, то уйти он далеко не мог даже на самой быстрой лошади. Да и наследить по дороге должен был будь здоров. Собственно, и наследил. Тверд впервые за все время нахождения в Полоцке порадовался, что деревянных мостовых тут не делают. А на земле отпечатки копыт просматривались очень хорошо. Правда, чем закончится эта погоня, коли удастся-таки нагнать вора, десятник сказать не мог.

Кружили по закоулкам недолго. Поняв, видимо, что в людном месте затеряться куда сподручнее, тать повернул к ремесленной слободе. Где след его и потерялся. Как ни ярился Хват, как ни хватал за грудки прохожих, бешено тараща на них глаза и ревя в лицо, не видали ли они очень приметного верхового в черной броне с черной личиной, единственно, что выяснил – что напугать он способен кого угодно, даже не вынимая оружия.

– Уймись уже, – в конце концов прикрикнул на него Тверд, когда косые взгляды, липнувшие к ним, достигли того количества, за которым обычно следует появление городской стражи. А то, что лишний раз напоминать о своих длинных носах и непонятных делишках полоцкому конунгу лучше не надо, понятно было даже до того, как на их руках появился странный сверток.

– И что это за штука, до которой столько охотников? – вполголоса поинтересовался у Путяты Тверд, как только отправил Тумана утихомирить чересчур разошедшегося в поисках свидетелей варяга, и они с гильдийцем на какое-то время остались вдвоем.

– Тебе то знать ни к чему.

– Я могу это узнать, вовсе не спрашивая твоего мнения. Достаточно свистнуть сюда варяга, и он отберет у тебя эту штуку, и хорошо, коль не вместе с руками. Или, например, не он отберет, а Аллсвальд. Мне показалось, что конунг кровно заинтересован в том, чтобы найти любую нить, ведущую к поджигателям. А еще есть Полоз. Тому, я думаю, стоит только шепнуть, что мы кой-чего сыскали...

– Вообще-то я нанимал тебя для охраны. А вовсе не для засовывания носа в дела гильдии.

– Знать, с чем мы имеем дело, я должен. Для той же безопасности. И если ты решил на каждом шагу играть в тайны царьградского двора, то нечего было вообще ко мне обращаться.

– Добро, – пожевав губы и пораздужав ноздри, согласился, наконец, купец. – Только место нужно найти потише. Чтoб без лишних глаз. И твои вояки чтобы носы не совали.

Укромное место сыскали на торжище. В том его конце, где зазывалы орали о румяных пирогах, что пеклись тут же, в приземистой, но чистенькой избенке, бывшей наповал исходящим из нее духом свежего хлеба. Запахи эти пошли только на пользу.

– Что-то давненько мы не жрали, – тут же позабыв о преследуемом вражине с черной харей, вспомнил Хват.

– Ну так иди, возьми чего, – пожал плечами Тверд, а как только варяг спорым поскаком удалился, подозвал поближе Тумана. – Пригляди, чтобы никто тут с растопыренными ушами не терся.

Лучник кивнул и отошел чуть в сторону, где с безучастным видом привалился спиной к случившейся поблизости подводе с высокими бортами. Путята с Твердом уселись на приземистую лавку у коновязи. И лишь в сотый раз подозрительно осмотревшись по сторонам, купец выудил из своего объемного кафтана увесистый сверток, бережно развернул тонкую телячью кожу и достал из нее редкую для этих мест вещь – настоящую книгу.

– И что ж за знания такие здесь писаны, из-за которых сыр-бор?

– Ученостей тут никаких не писано. Это обычная расходная книга. Столько-то товаров прибыло, столько-то убыло...

Тверд посмотрел на купца так, словно тот вдруг превратился в кошку с коромыслом вместо хвоста.

– Что?.. Расходная книга – и все?

– А этого мало?

– Знаешь, для того чтобы придумать всю эту хренотень с тайником и непонятными символами, не говоря уже о гаде, который не пойми откуда возникает и мимоходом бьет всем морды, – да, маловато, на мой взгляд.

Путята удивленно уставился на Тверда.

– Вообще-то этот тать в черной личине, вполне может стать, по вашу душу приходил. Как тот, что оставил стрелу в одной двери в Киеве.

– Тому, кто оставил стрелу в постоялом дворе, сильно повезло, что успел уйти. А здесь мне повезло, что местный вор так торопился, что не стал нас убивать. И я очень сильно сомневаюсь, что этакий умелец явился за какой-то жалкой книгой.

– Жалкой? Похоже, ты просто не понимаешь, о чем речь, – постучав пальцем по резной деревянной обложке рекомой книги, хмыкнул гильдиец.

– Это да. В последний месяц у меня вообще все идет так, что я не понимаю даже, как умудряюсь землю топтать до сих пор. И, кстати, Хват не настолько голодный, чтобы бродить в поисках еды так долго, чтобы ты успел все это прочитать.

– А мне и не нужно читать все, – с важным видом хмыкнул гильдиец. – Хватит и последней страницы. Видишь ли, это – копия расходной книги. Писарь в каждом из Дворов гильдии обязан записывать все, что произошло за день: что за купцы были, какие товары привезли, какие вывезли, кто из них загрузился первым, кто выгрузил свою поклажу последним...

– То есть здесь должно быть указано, кто последний отбыл с полоцкого Двора.

Путята кивнул, открыл книгу и зашуршал тонкими страницами. Ни на пергамент, ни на бересту то, из чего они были сделаны, совершенно не походило.

– Может, именно это и хотели скрыть те, кто устроил по всему Полоцку резню в ту ночь.

– Вы всегда храните свои грамоты так мудрено? Это чтобы писарь, пряча ваши книги по разным концам города, от сидячей работы не отрастил себе пузо?

– Конечно, нет. Это – копия. Писарь должен был делать записи сразу в двух книгах. В той, что хранилась непосредственно в гильдии, и в еще одной. Вторую следовало уносить со Двора в специальное укромное место. На случай... – купец пошевелил своим массивным вторым подбородком, подыскивая нужные слова. – В общем, именно на тот случай, который у нас и случился.

– Слушай, деньги вы храните в каких-то бумагах на стороне, грамоты – в тайниках. Вы точно купцы?

Путята оторвал взгляд от книги и выразительно уставился на Тверда. Второй его подбородок при этом вздулся так, что гильдиец стал похож на жабу с бородой.

– По-твоему, я похож на лазутчика?

– Да уж, – покосился Тверд на его второй подбородок и вздущееся от сидячего положения брюхо. – Из всех людей, которых я знаю, нет таких, которые годились бы на эту роль меньше, чем ты.

– Большое спасибо. Ты позволишь, я вернусь к своим недовоинским занятиям?

– Да, конечно, у тебя это здорово получается.

Читать эти каракули Путяте следовало пошустрее – в поле зрения появился Хват, который с довольным видом на ходу уминал половину ковриги хлеба, заедая его зеленым луком. Приблизившись к Туману, он без особых эмоций отломил от хлеба солидный шмат и не глядя бросил ему. Лучник так же молча поймал угощение, тут же впившись в него зубами. В отличие от Тверда, он почему-то не задумался, где взял всю эту снедь варяг, особенно если учесть, что ни единого медяка у того не было.

– Ты знаешь, что обозначает слово «тархан»? – прервал Путята размышления Тверда о законности пребывания пищи в горле его воев.

– Это хазарское слово. Обозначает «знатное сословие».

– Верхушку воинского сословия, если точнее.

– Зачем спрашиваешь, коль сам знаешь?

– Затем, что не могу взять в толк, что забыл во Дворе гильдии хазарский воевода, который почему-то записан в книге не иначе как купец?

– Чего? – попытался выхватить у купца книгу Тверд. И сразу подумал о том, что гильдиец, когда ему это нужно, может быть гораздо сильнее, чем пытается показаться. Во всяком случае, книгу он не отдал.

– Последним, кто выгружал свои товары перед пожаром в полоцком Дворе гильдии, был купец, который записан как тархан Илдуган.

– Кто? – Тверд вмиг вспомнил сумрачную киевскую ночь, огромный цветок огня на хазарской башне, русских дружинников в охране посольства.

– Илдуган.

Вот оно что. Выходит, не зря попрекал молодой дружинник Сова своего растяпу десятника. Значит, вот какие подводки вывез ночью из хазарского посольства главный советник Илдуган. И вот почему гильдия в Полоцке горела так свирепо. Хазарское масло, которое питает божественный огонь, – не тухнет.

Глаза Путяты, по мере того как Тверд рассказывал ему о телегах, доверху нагруженных бочками, что вывезены были из Киева хазарами, становились все шире и шире.

– Срочно выдвигаемся в Киев, – наконец сбросил оцепенение купец. – Мы выяснили, что конунг здесь совершенно ни при чем, и лучше бы поскорее известить об этом Светлого

князя. Но нельзя, чтобы Аллсвальд узнал первым. Ты ж его видел – он всех хазар в городе перережет. И тогда Киеву придется решать, с кем воевать: с каганом, который такого оскорбления не потерпит, или со своим же данником, смерти которого в случае оной резни наверняка затребуют хазары.

– Да? А кто ж тогда ответит за все полоцкие смерти?

– По всей видимости, Илдуган. Будет объявлено, что он действовал по своей черной воле, и князю будет предоставлена честь казнить поганца по своему усмотрению.

– Но ведь это же... ни в какое сравнение! Этот кровопиец кучу народа вырезал! И в обмен на это – всего лишь одна-единственная голова на колу?

Путята недоверчиво покосился на Тверда.

– Ты будто бы не из Византии вернулся. Да, именно так все, скорее всего, и будет. И называется все это дерьмо, которое мы тут с тобой нарыли, хитрым словом «политика». А придумали ее как раз греки, у которых ты провел столько лет.

По возвращении они обнаружили спешно собирающийся в обратный путь отряд Полоза. О своем решении боярин перед ними отчитываться не стал, да и они спрашивать его не подумали. Хватило и того, что это спешное бегство вполне совпадало с их планами.

Глава 5

Аллсвальдов знак

Ночь стояла тихая. Звездная, безветренная. Где-то в траве цвиркали сверчки, время от времени над головой хлопали невидимые в темноте крылья, да иногда фыркали и ржали лошади. Огонь задорно потрескивал и выстреливал сухие искры. От соседнего костра шел мощный дух мясной похлебки, но никто не был настолько голоден, чтобы подсаживаться к дружинникам из охранения и угощаться из их казана. Хват, дело понятное, не в счет – тот улизнул сразу, как только стреножил лошадей и понял, что у их костра этим вечером будет много разговоров и мало жратвы. Сейчас, должно быть, где-нибудь втихаря опустошал с киевскими воями баклажку с медовухой. Туман, не особо озаботившись пустым брюхом, расстелил на траве плащ, сунул под голову седельную суму, повернулся спиной к огню и вскоре тихо засопел. Пес его, конечно, разберет, спит или слушает, не пропуская ни единого слова. Разницы, впрочем, особой не было – книгочей, несмотря на всю свою ученость, рта без особой надобности не раскрывал.

– В такой спешке ушли из города – и для чего? – ворчал Путята, ломая сухие ветки и подбрасывая их в алчный жар огня. – Для того, чтобы заночевать на голой земле?

– Для воина это не такая уж и невидаль, – пожал плечами Тверд.

– Для воина и ночной бросок не такая уж невидаль. Особенно когда и вправду нужно гнать лошадей. А их гнать надо!

Легкий порыв ветра тронул волосы Тверда и принес с собой далекое тьяканье лисы. Не волки – и ладно.

– Боярин же не ведает, чего ради нам нужно торопиться. Так Расскажи ему о том, что мы нарыли.

Тонкий прут в руках купца надломился с каким-то особо остервенелым хрустом и был брошен в огонь так, словно стал вдруг для гильдийца злейшим врагом.

– Есть ли резон? Мы снялись из города со всей поспешностью по распоряжению Полоза, а не по моему. Выходит, у него был резон торопиться. Интересно, какой? И какого лешего здесь, в чистом поле, резон этот вдруг куда-то исчез?

Чистым это поле можно было назвать, конечно, с большой натяжкой. Холмистая местность была словно нарочно изрыта оврагами. Самый глубокий из них, словно рана со рваными краями деревьев, тянулся от далекой темной полосы леса, заканчиваясь аккурат у подножия взгорка, где поблескивал первый костер их лагеря. Купчине, конечно, это без разницы, а попробуй про это поле так сказать разведчик его этерии, лично вздернул бы поганца. Или непременно посадил на кол, предложи тот разбить стоянку в месте, которое просто напрашивается стать засадой – нападения тут можно ожидать с любой стороны.

– О ком речь идет? Не обо мне ли?

Голос, словно нарочно желая подтвердить размышления Тверда, прозвучал неожиданно. Путята испуганно дернулся, подскочил было с места, потом, видать, опомнившись, снова сел, продолжая тем не менее слепо таращиться по сторонам.

– Напугал? – хмыкнул Полоз, выныривая из темноты, как из омуты, прямо напротив Тверда.

– Пострашнее видали, – краем глаза Тверд уловил движение Тумана. Тот незаметно сунул длинный стилет обратно в сапог. – Ты бы, боярин, в следующий раз топал потяжелее. Тем, кто подкрадывается, не так уж редко стрелу меж глаз шлют. Доказывай потом Светлому, что это не Аллсвальда рук дело.

Полоз уселся на седло, упер тяжелый взгляд прямо в глаза Тверда. Рванный танец огня, подсвечивающий снизу его и без того не особо приветливое лицо, дергающимися мазками света и тьмы малевал на нем совсем уж жуткую личину.

– Добро, что сразу к делу перейдем, – выдавил наконец из себя боярин, переводя взор на Путятю. Получилось довольно зловеще. – Вам, должно быть, жутко интересно, чего это я в такой спешке решил покинуть Полоцк, хотя ранее рвался туда так, будто жизнь моя от того зависела. Поначалу я, честно сказать, думал, что придется вас вязать и тащить за собой в Киев на аркане. Поэтому, когда вы не стали упорствовать отъезду, только вздохнул с облегчением. И лишь сейчас понял – что-то тут, однако, не так.

Тверд с усмешкой взглянул на купца. Будто говорил: видишь, мол, само по себе все сложилось. Хотел устроить ночной марш – вот тебе и повод выложить все как есть. Путята, впрочем, кости на стол вышвыривать не торопился. Мялся, дул щеки и ломал хворост, без остановки бросая его в костер, будто хотел, чтобы он у них разгорелся жарче, чем у всех остальных.

– Уважаемый купец Путята Ратмирыч хочет сказать, что неплохо бы нам для начала узнать, какая это такая срочная надобность столь лихо сорвала нас с места, – не выдержал этой игры в молчанку Тверд. – Верно я говорю?

Гильдиец хмуро глянул на одного, на другого, покосился на спину Тумана, будто тот тоже не сводил с него полных ожидания глаз. В нависшей тиши отчетливо донесся чей-то тугой, что тетива, голос, затянувший песню. У другого костра громыхнул дружный гогот.

– Верно, – нехотя выдавил наконец Путята.

Холодная ухмылка Полоза могла бы безвозвратно испоганить любой радостный погожий день.

– Добро. Только не отослал бы ты, купец, своих псов куда подальше. Пусть пойдут, почешутся, покуда два человека разговоры ведут.

– Они останутся, – быстрее и заполошнее, чем следовало бы, чтобы сохранить хотя бы вид солидности, выпалил купец.

Волчий оскал Полоза теперь можно было спутать с чем угодно, но только не с улыбкой.

– Добро, раз так. Но знай – дело это государственной важности, а потому как только о нем узнают больше людей, чем сейчас сидит у этого костра, я точно буду знать, с кого следует голову снять.

Путята что-то проворчал насчет того, что каждый пусть приглядывает за своими людьми, и это вовсе не его была идея – тащить в Полоцк целое воинство лишних глаз и ушей.

– Это Аллсвальд, – двумя словами, сказанными тоном, будто речь шла о траве под забором, отрезал все пути к дальнейшему словоблудству Полоз.

– Что?

– Это сделал Аллсвальд, – будто втолковывая малому дитяте, еще раз повторил боярин.

– Не надо с нами говорить, как со слабыми на ум.

– Что поделаться, именно так вы сейчас и выглядите.

– Да? Как же, интересно, будешь выглядеть ты, когда узнаешь, что конунг ко всему, что произошло в Полоцке, касания не имеет?

Удивляться княжий ближник не стал. Напротив. С подозрительным воодушевлением он ткнул кулаком в растопыренную пятерню.

– Я ж говорил, что вы, ящеровы дети, что-то нарыли, – тон его был таким, словно он и впрямь радовался этому.

– Ну уж нет, мил человек, – покачал головой Путята. – Условились, что ты первым свой сказ поведешь. Вот и говори. А мы послушаем.

– Да тут и говорить-то особо нечего, – пожал плечами боярин. – Просто я нашел людишек, работавших в полоцком Дворе гильдии. Им посчастливилось в ту ночь выжить и унести ноги. А как только узнали, что в город прибыли киевляне, тут же связались со мной.

– Чего это вдруг именно с тобой?

– Вот и спросишь у них. В Киеве. Они могут многоооого чего интересного порассказать. О том, особенно, насколько Аллсвальд тут ни при чем.

Путята этим известием был ошеломлен ничуть не меньше Тверда. И по нему, в отличие опять-таки от Тверда, это было видно.

– Где они?

Полоз презрительно фыркнул.

– В безопасности. И сдается мне, что чем меньше людей будет знать, где именно, тем дольше это место останется безопасным. А теперь ваша очередь. Так, значит, ни при чем тут норд?

* * *

– Говоришь, боярину надобно было все это рассказать, да?! – Путята дергался и извивался не хуже ужа на сковородке.

– А что я? – пожал плечами Тверд, насколько это позволяли сделать стянувшие руки путы. – Ты ведь в нашем посольстве голова. Я-то всего лишь меч. А железку че слушать?

Он холодно сдержал по самое горлышко наполненный ядом взгляд купца и даже двинул уголками губ в подобие улыбки. Хотя радоваться тут на самом-то деле особо было нечему. Едва они рассказали боярину о своей находке, битве с неизвестным воем и о том, какую последнюю тайну полоцкого Двора хранила добытая ими книга, тот повел себя вовсе не так, как хотелось бы. Да что там «вовсе не так». Полоз взвился как раненый в самые уды медведь. Да так рьяно, что мигом углядел в них, гильдийце и до недавнего прошлого византийском легионере, законченных изменников да погладов Аллсвальда. Тверд спорить с вопящим на весь стан княжим ближником не стал. Даже когда тот повелел своим дружинникам «сих изменников» повязать. В первый раз, что ли? Другое дело – Путята. Он, до сего мига мнивший себя если уж не соратником творца мироздания, то уж по меньшей мере головой их посольства, никак не мог смириться с этакой несправедливостью и вопиющим унижением. Вот и угостили неумного парой-тройкой зуботычин. Тверд и сам бы на месте киевских воев угостил, доведись ему пеленать такого буйного лося. Какие ж тут могут быть обиды? У Путяты – нашлись. Причем, как только их оставили в одиночестве, коль не считать парочки не особенно ражих стражников, вся ненависть уязвленной гильдийской души, что неразборчивый огонь великого пожара, перекинулась на Тверда.

Стражники присели у костерка чуть в сторонке, грея зябнувшие в предрассветном холоде руки, а Туман своими эмоциями по поводу пленения вообще мало отличался от вороха тряпья. Хват, ясное дело, под шумок куда-то сгинул. В том числе и поэтому и Туман, и Тверд сохраняли рожи в бесстрастном подобию деревянных истуканов – надежда на то, что их освободят хоть и не самые заботливые в мире, но все же дружеские руки, была.

Хотя, зная Хвата, а особенно зная, сколько золота он припрятал и сейчас, ни с кем не делаясь, может захватить его себе и раствориться где-нибудь в Хазарии... Но такие мысли постарался бы гнать от себя любой человек.

– Нас что, прирежут по-тихому где-нибудь по дороге?

Похоже, Путята наконец перебесился и решил взглянуть на вещи так, как и должен был глядеть на них изначально голова киевского Двора гильдии.

– Вряд ли, – снова попытался пожать плечами Тверд, отчего веревки с готовностью еще большее впились в запястье. – Ты все ж таки гильдиец. Тебя скорее всего на княжий суд доставят. Ну и, понятно, казнят по-быстрому, покуда Палата новгородская не успела вмешаться.

– Спасибо, утешил.

– А чего ты расстраиваешься? Уж лучше пусть голову оттяпают, чем на кол посадят на пару-тройку дней.

– Как тебя, что ли?

– Скорее всего, – Тверд, если говорить честно, старался гнать от себя и эти мысли тоже. Но, как ни крути, от правды, которая для него маячила не так уж далеко впереди плохо остроганным колом, было не отвертеться. Особенно, коль вспомнить последнюю встречу с князем.

Из ложбин и оврагов белесой дымкой лениво поднимались рваные клубы тумана. В предрассветной серой пелене темными силуэтами проступали сквозь них сонные силуэты деревьев. Прохладную тишину изредка нарушал птичий гомон, но тут же, не успев взвиться к светлеющему небу, испуганно прижимался к вымоченной росой траве.

– Туман? – подозрительно наострив уши, покосился в сторону своего соратника Тверд.

– Конечно, туман, – фыркнул Путята. – Не видел что ль никогда? Я вот, помню, вел как-то караван по Двине, и как-то утром таким же вот покрывалом реку накрыло. Чуть носом берег не пропахали со всей поклажей...

И Тверд, и Туман бросили на гильдийца короткий, но не самый уважительный взгляд.

– Что-то есть, – рывком подхватываясь из лежачего положения в сидячее, кивнул лучник.

– Вот, раздери меня коза, и безопасный стан, – ругнулся Тверд, оборачиваясь к сторожившим их гридням. – Эй, земляки, быстро кличьте сюда боярина!

Ссутулившись над чахлым огоньком вои лишь поежились да подсели еще ближе к потрескивавшим последними искрами полешкам.

– Может, те еще князя кликнуть? – ворчливо отозвался сутулый дружинник с длинной шеей, будто нарочно выросшей меж ключиц.

– Боярин вовсе не велел с вами говорить, – подтвердил второй, помоложе, с клочковатой бороденкой, разбросанной по щекам и подбородку, что кочки по трясине.

– Раз не велел, то нечего было и начинать. А если уж заговорили, то делайте что велено. Сутулый фыркнул.

– Слышь, Репа, этот грек нам еще че-то велеть пробует.

– Посмотрим, че завтрава нам конь евойный повелит.

Тверд снова посмотрел на Тумана. Тот опять лежал на боку, приложив ухо к стылой земле. Путята переводил непонимающий взгляд с одного на другого. Глаза его расширились до размеров средних тележных колес, когда главный его охоронец взвился на ноги, едва не брякнувшись из-за связанных за спиной рук мордой в землю, набрал в грудь поболее воздуха, опять-таки, насколько позволяли перехватившие тулово путы, что есть силы прогорланил:

– Пооооо-лооооз!

Горбатый и лишний их стражник при этом не менее заполошно повскакивали со своих задниц, при этом молодой неловким движением ноги еще и расшвырял тлеющие уголья костра. В предрассветной тиши вопль Тверда, будто бы двукратно усиленный туманом и звонкой прохладой, пронесся над лагерем не хуже печенежской конницы. Кто-то подхватился с места, кто-то кинулся к оружию, а кое-кто, вечером еще мнивший себя самым умным, с шумом и хряском брякнулся с телеги, куда забрался спать ночью. Чуть в стороне тревожно заржали лошади.

– Да нет в лагере боярина! – понимая, что в первую очередь за эту побудку влетит ему, а вовсе не горластому пленнику, запоздало воскликнул сутулый.

– Как это – нет? – теперь глаза Путяты очень сильно напоминали размерами размах мельничных крыльев.

– Уехал он, затемно еще, – неохотно проворчал недобородатый Репа, с не очень великим удовольствием наблюдая, как к ним спорым марш-броском приближается низкорослый крепыш в доброй броне. Молодому он, не сбавляя шага, треснул по затылку тяжелой своей ручищей так, что тот едва не грохнулся носом в остатки костра, а второму стражнику сунул узловатый кулак под нос. Да так споро, что тот растерянно прятнул назад, оступился, да и грох-

нул обратно на задницу. Это было бы даже смешно, не будь так злы глаза подскочившего к Тверду воина.

– Что такое кляп – слышал? – громыхнул он, брызнув слюной на слове «кляп».

Вытереться Тверд не мог – руки за спиной. Облизываться тоже не станешь – чай, не роса. Вытирать рожу о плечо – только нос разрежешь о железо наплечника. Осталось только стараться не обращать внимания на мельчайшие капли, холодившие лицо.

– А ты, Лемех, так и не научился нормально говорить? До сих пор девкам в лицо вместо поцелуев харчки раскидываешь?

– Мне с тобой говорить не о чем, – хмуро ответил крепыш. Но по тому, как недовольно он покосился на поверженных только что стражников, стало понятно, что упрек Тверда попал в цель.

– Пока – есть о чем.

Тверд еще раз глянул на Тумана. Тот вел себя против обыкновения беспокойно, елозя на пятой точке и настороженно зыркая по сторонам. Не иначе, в поисках отобранного оружия.

– Ты какого хрена лагерь расставил так, что его в любой миг любая ватага лесная на копье возьмет? – напустился на Лемеха кентарх. Репа и сутулый растерянно переглянулись и даже сделали шаг назад, раззявив рты и на всякий случай цапнув рукояти топоров на поясе. – Где ров, где частокол, где, мать твою сыру землю, открытая ровная местность, чтобы простреливалась на триста сажень во все стороны? Я тебя этому, что ли, учил?!

Показалось, что лагерь, после первого вопля Тверда пришедший в сонное шевеление, теперь снова впал в молчаливый ступор. Даже птицы, которым по этому времени полагалось бы всю округу своим утренним щебетом, не иначе опасались подавать признаки жизни.

Первым из ступора вышел Лемех.

– Тебе, гляжу, не терпится на голову короче стать?! – взревел он. – Учил он меня, поглядите-ка! Это сколько лет с тех пор ушло? Нет больше гридня Лемеха – есть сотник. И уж он получше знает, как на вотчине разбивать стан, чем какая-то приبلуда заморская, которая выше десятника подняться не смогла!

– Давай еще дрынами померяемся! Покуда твой лагерь, который ты по своему разумному усмотрению мудро раскинул промеж оврагов, сейчас штурмовать начнут пес пойми с какого боку!

– Ты что удумал, морда ромейская? – вплотную подступив к бывшему своему командиру, прошипел сотник. – Навести панику и улизнуть под шумок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.